

МАКС ОСТРОГИН

INFERNO

большая красная кнопка

Inferno

Макс Острогин

Большая Красная Кнопка

«ЭКСМО»

2011

Острогин М.

Большая Красная Кнопка / М. Острогин — «Эксмо»,
2011 — (Inferno)

Большая Красная Кнопка. Легенда? Вымысел? Или последняя надежда человечества? Ответы хранят городские подземелья. Там, в глубине, спрятано устройство, способное оборвать Апокалипсис. Чтобы его включить, необходимо добраться до архива, оставленного последними людьми погибшего мира. Найти и расшифровать записи – главная задача Дэва, отправившегося в путь по изуродованным улицам Москвы. От Баррикадной до ВВЦ близко лишь на первый взгляд, ведь дороги в этом мире измеряются вовсе не километрами. Они измеряются жизнями.

© Острогин М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	33
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Макс Острогин

Большая Красная Кнопка

Глава 1

Затяг

Тикает.

Часы. Я взял книжечку, тонкую, в зеленой пластиковой одежке. Осторожно, кончиками пальцев, чтобы страницы не рассыпались в серый прах.

«Видеомагнитофон JVC – DR 1019, руководство по эксплуатации». Само по себе странное слово – «видеомагнитофон». Из старинных, даже из мертвых, из тех, что окончательно позабылись по причине своей ненадобности, сгинули, растаяв в непредсказуемом прошлом. Вот слово «электричество», тоже старое, но в то же время и сегодняшнее, мы все знаем, что это такое – искры, тепло, свет, может и ударить, если дурак. «Видеомагнитофон» ни о чем мне не говорил. Судя по картинке в руководстве, плоский черный ящик с кнопками. В него вставлялись кассеты с записями, после чего изображение выводилось на монитор.

Монитор я знал. На Варшавской их было много, только все неисправные. Петр немного разбирался в электричестве, так вот, Петр говорил, что поломалось все из-за импульса. Электромагнитного. Когда-то давно очень мощный всплеск выжег почти всю тонкую электронику, даже ту, что на складах хранилась. А оставшаяся почти вся испортилась от времени. Во всяком случае, Петр не смог починить ни один прибор сложнее печки. Егор же, вернее, его отец предполагал, что на телецентре аппаратура должна была сохраниться лучше. И чтобы подготовиться как следует, он читал руководства. Ну, куда втыкать и на что нажимать. Теперь вот и я эти руководства изучал. Каждый день по три часа. Понималось туго. Настройки, переключения, каналы какие-то, слишком много незнакомых слов. Хотя все эти старинные устройства работали более-менее одинаково: суешь кассету, или диск, или карточку, оно сразу само начинает показывать. Я, конечно, не очень умный человек, но с такой техникой даже я управлюсь.

«Видеокамера Панасоник GS 12, руководство по эксплуатации», в красной обложке, похожей на кожу крокодила. Начал с первой страницы.

Лежал, читал. Наверху звякали на веревочках гильзы, выл в старых антеннах ветер. И тикали часы. Спокойно так, хорошо. Тик-так, тик-так, шестеренки перекачиваются, отмеряют минуты, часы, спать охота. Стрелки вроде замерли, но если напрячь как следует зрение и затормозить сильнее мозг, то видно, что они ползут по кругу. Медленно и неукротимо. Пока идут часы, время есть. Если будильники перестанут тикать, стрелки замерзнут и проржавеют колечки, тогда и все, значит, конец.

То, что время тикает, – это верный признак. Мир вертится, и надежда есть.

Егор должен бы уже и вернуться. Уже час как. Тут недалеко ведь. Подземный магазин, совершенно неразграбленный. То есть его, конечно, разграбляли, но не все кому попало, а только родственники Егора. И оберегали от остальных, чтобы посторонние не безобразничали. Да и не было тут этих посторонних.

Егор навещался в магазин раз в неделю. Приносил консервы. Сироп. Спирт для отопления, свечи для освещения, другие припасы, таскал все это рюкзаками, каждый раз приговаривая, что запасов много, до весны вполне хватит, слон морозоустойчивый, в слоне хорошо...

Пару раз я собирался с ним, только не получалось, ноги подводили каждый раз, шатание в них пробуждалось и полная неходь, поэтому я в магазин так и не выбрался, хотя поглядеть собирался.

Обычно Егор уходил с утра. Брал с собой обрез, винтовку, гранаты. Возвращался после обеда, нагруженный добычей и злой от страха. Ничего, пусть привыкает к самостоятельности, не все мне ему сопلي вытирать...

Сегодня он что-то слишком долго привыкает. Подождем...

Закрыв глаза и еще полчаса думал о спокойном. Потом только начал волноваться. Вообще-то магазин недалеко, добраться дотуда любой может.

Даже я.

Еще через полчаса я выбрался из койки и стал собираться. Егор не пришел, скорее всего, вляпался. Надо выручать. Ничего без меня не могут.

Оделся. Натянул куртку, шлем. Постучал по нему пальцем согнутым. Звук должен правильный получаться, если неправильный, значит, в шлеме трещины. Хотя, если честно, в шлеме не может случиться трещин – это же какой-то там необычный кевлар, прочнейшая вещь, но что-то я стал в последнее время подозрительным человеком, подозреваю все.

С ботинками промучился минут двадцать, не меньше. Ноги подпухшие, трудно лезут, еще труднее вылезать, борьба. Хотел даже подрезать ботинки, но решил подождать. Ноги в норму придут, а обуви не вернуть. А я к ним привык, в моем возрасте от привычек уже сложно отказываться.

Взял ружье, вертикалку. Чем-то напоминает карабин, только не такой тяжелый.

Ну и костыль. Костыль у меня отличный, титановый. Удобный, легкий, а если нажать на пружину, то из нижней части выставляется особое пыряло, им легко пырять. И даже звездочки на костыле есть, выпарапанные, не знаю, чего они означают, счет, может. Сколько владелец убил. Сумраков, волкеров, кровожадных старушек.

Рюкзак тоже прихватил, со всем, что нужно в походе. Потому что Гомер учил – идешь на минуту, собирайся на век. Нужное, ненужное тоже, потому что может пригодиться все.

Спуск на землю – целое приключение, костыль – мой верный друг, без него я никак и никуда, особенно на лестницах. Интересно, а есть стреляющие костыли? Удобно, наверное, прыгнула на тебя бабушка-убийца, а ты ее разрывным костылем, наверное, раньше так все и было.

Три раза чуть не упал, один раз почти головой, Алиса бы посмеялась...

Алиса бы посмеялась. Обозвала бы меня рыбцом. Или Рыбинском. Егору тоже бы придумала название. Козявочник, Сопля, Кактус-Какашка, воображение у нее богатое. Егор тут книжку мне принес, про ту самую Алису. Перечитал. Та тоже была сумасшедшая, еще сумасшедшее нашей. И вокруг нее тоже один другого лучше. Одна улыбка кошачья чего стоит. А уж природа-то какая...

Наверное, про нашу жизнь тоже можно безумную книжку сочинить. Я буду Чеширским котиком, Егор Безмозглым Шляпником.

А Алиса будет Алисой.

А на улице совсем осень. Редкие деревья вокруг зоопарка так и не смогли уронить листья, поскольку по причине жаркого лета никаких листьев на деревьях не завелось, я шагал в тени высотки, под ботинками скрипели пирамидки утреннего льда, дышалось легко. Оздоровительно. Я люблю первые заморозки. Когда на лужах прозрачные корки, земля твердая и не держит след, воздух звонок и слышимость простирается в два раза дальше, чем в обычные дни, и весь прах, накопившийся в воздухе летом, садится на землю за одну октябрьскую ночь. Хотя я не был уверен, что сейчас октябрь, месяцы давно рассыпались и растерялись.

Осень.

Я достал карту. Магазин рядом. Под землей. И чего они все так под землю влезть старались? Полгорода расположено под землей, большая часть. Вот я бы на месте старинных людей не под землю стремился, а наоборот. Вверх. А они все вниз да вниз, не могли освободиться от своих норных привычек. Да и сейчас не сильно освободились.

Не люблю ходить по карте, привязанным себя чувствую, но тут, в Москве, по картам удобнее, улицы не путаются. Направо, налево, направо, прямо, полкилометра. Я прохромал это расстояние достаточно быстро. Никого. Запад есть Запад, даже мреца нормального не встре-

тить. Сумраки сплошные, беспросветные. Поэтому, кстати, в моем обычном наборе для прогулок теперь всегда контейнеры с ускорителем.

Вход в магазин не выделялся. Много обычного нашего железа, опрокинутые автобусы, сгнившие деревья, покрышки, как маленькие, для обычных машин, так и какие-то совсем огромные, ростом с человека, даже больше, в них, наверное, можно было жить, жизнь – она ведь везде, в слоне, в покрышке.

Старый фургон, врос в асфальт, из открытой двери высыпаются жестяные банки с краской. Пробрался внутрь. В полу имелся замаскированный люк, за люком дыра в асфальте, достаточно широкая для пролаза трех человек одновременно. Лестница.

Полез.

Магазин огромный, настолько, что можно ездить по нему на велосипедах. Или на роликовых коньках, первое, что я увидел, были как раз они. Валялись горкой, бессмысленные, несчастные.

Светло. Под потолком горели длинные синие лампы. Егор говорил, что тут вроде как сохранился генератор, каждый раз, когда они сюда ходили, запускали его для освещения. Магазин, я никогда не был в таких. Другие магазины, в которых мне удалось побывать, выглядели иначе. Пустые бутылки, битая посуда, на полу мелочь и консервные банки.

Тут тоже банки, много. Большинство бесполезных, я определил. Овощные консервы портились быстрее остальных, они сдохли уже почти сто лет назад, а может, еще и раньше. Все эти горошки, маленькие капусты, рубленая морковь, фасоль в стручках, артишоки, репа и другое полезное питание, ныне теперь совсем бесполезное, размякшее в одинаковую бурю жижу. За овощами рыба, за рыбой какие-то морские каракатицы в стеклянных банках, по виду они были вполне ничего, но я знал, что стоит снять крышку, как ворвавшийся воздух тут же превратит их в непригодную вонючую кашу.

Консервный ряд тянулся и тянулся, я повернул направо. Прошел мимо масла в жестяных банках с черными ягодами, мимо других банок, на некоторых были нарисованы черные грибы, на других пальмы, из пальм, что ли, масло выжимали? Прихватил бутылку с черными ягодами – оно сохранялось лучше и пахло приятнее.

За маслом начинались лопаты, целый ряд лопат разных размеров, форм и расцветок, я взял блестящую с узким лезвием, попробовал на остроту, ничего себе лопата, с убойностью, к таким я испытываю слабость. За лопатами какие-то приборы, моторы неизвестного назначения, резиновые мячи, сетки, железные кругляки, и тут же отдел снаряжения и оружия. Большой, с хорошим выбором. Топорики, керосиновые лампы, примусы, фонари, веревки, котелки и множество самых полезных в нашей жизни вещей, спальники вот. Глаза от жадности разбегались. С другой стороны, у меня уже есть все необходимое, подогнанное, знакомое и привычное, разве что пару пачек мокрых спичек, которые горят даже под водой.

Взял спички. Даже три пачки, иногда с огнивом лень возиться. Спальник на обратном пути надо все же поглядеть...

Оружия тоже много, но качество его меня совсем не устраивало. Я посмотрел некоторые ружья. Дешевые штампованные поделки, ненадежные, рассчитанные на не очень многократное использование. Хорошее оружие отсутствовало, наверное, его уже утащили Егор и его папаша.

Кроме того, почти половина стен оружейного отдела оказалась увешана вообще непонятно чем. С виду вполне себе настоящие штурмовые винтовки, пистолеты и даже револьверы, в отличном качестве, смазка еще сохранилась, пахнут по-боевому, я заинтересовался, сбил замок.

Муляжи. Вернее, даже не муляжи, а испорченные нарочно. У некоторых были совершенно безжалостным способом пропилены стволы, у других не хватало внутри важных деталей, третьи оказались просверлены, и внутрь был щедро залит металл. Зачем кому-то понадобилось держать в магазине нестреляющее, я не понимал. Портить оружие, полная глупость.

Или много его слишком наделалось, девать некуда? Или для украшения? В некоторых домах я видел оружие на стенах, дурацкий совершенно обычай, я бы сказал, даже омерзительный. Как можно украшать стены винтовками? Картины. Правильно вешать картины или пластмассовые цветы.

Сразу за оружием начинался исключительно странный отдел, с вещами, даже отдаленное назначение которых я совсем не мог определить. Стекланные шары, пластмассовые пирамидки, звенящие трубочки, огромные глиняные кружки, из которых прорастали красные глиняные грибы, гипсовые собаки, деревянные глобусы. Особенно мне запомнились нарядные коробки с надписью «В последний путь». Я заинтересовался, открыл осторожно – а вдруг там бомба, вдруг так раньше шутить принято было? Но там оказались другие предметы. Белые тапочки с мягкой подошвой, пузырек с маслом, черные ленты, выцветшая одежда, похожая на мешок с прорезью. Присыпка в пластиковом пузырьке. Кроме того, в коробке имелась инструкция, как всем этим пользоваться. Я прочитал и понял, что это набор для похорон, для отправки человека на тот свет – недаром же он так и назывался.

В очередной раз подивился прежней предусмотрительности – каждый шаг обставлен правильными вещами и надлежащими поступками. Хороший набор. Я отправился дальше, придумывая наборы для разных жизненных ситуаций. Для свадьбы, для похода, для плохой погоды, для рыбалки, для чаепития, Егор, кстати, отправился за чаем. Где находился чайный ряд, я не знал, поэтому просто крикнул.

– Егор!

Без эха. Слишком низкие потолки.

– Егор!

Егор не отзывался. Ладно. Погуляем. Я взял металлическую тележку, отправился в обход. Вообще, конечно, Егор и его отец уже много натаскали, и в слоне запас хороший, и наверху в высотке, молодцы, но по настоящему магазину бродить все равно интересней. Хорошо бы в шоколадный отдел попасть. Конечно, там все засохло, но можно переварить. Берешь шоколад, сухие сливки, воды немного, в котел – и варишь. А если в сливки чуть воды и много сахара, то получаются ириски, их надо разлить на сковородку, остудить и порезать на квадратики.

Чай. На полу лежала разорванная пачка. Вокруг был не чайный отдел, макаронный. Значит, Егор здесь проходил. Зачем он пачку порвал? Или не он? Может, эта пачка там сто лет лежала... Продолжил обход. Катил телегу, одну ногу поставил, другой отталкивался.

Есть известная магазинная легенда, Шнырь мне рассказывал, как группа заблудилась на Юго-Западе, забрела на кладбище. Мрецы за ними погнались, и тут им подвезло очень, наткнулись на магазин, только не в подвале, а на первом этаже. Люди эти успели в магазин забежать и закрыться. Отсиживаться решили – еды-то много. Но очень быстро выяснилось, что еда вся испорченная, даже консервы. Только сладкая газированная вода в стеклянных бутылках сохранилась. Они только этой водой и питались и через три месяца совсем плохо себя почувствовали, потому что сахар хорош в небольших дозах, а если много и каждый день, то внутренние органы начинают болеть, пропитываются сладостью и уже не работают, как должно. Одна девушка не выдержала и померла, а остальные стали думать – что с ней делать, выкинуть на улицу или слопать. И решили все-таки выкинуть, не поддаваться искушению.

Потащили труп к выходу, а к этому времени туда собрались мрецы со всей округи. Они ворвались внутрь и быстро всех сожрали, остался один парень. Он залез на железный стеллаж и сидел там.

Он сидел там тридцать дней и питался только водой, сочащейся с крыши, а мрецы стояли вокруг и смотрели на него не моргая. А потом, когда он устал и собрался прыгнуть вниз, крышу разрезало огненным ножом, и человеку явился ангел-хранитель – в магазинах часто случаются чудеса.

Вряд ли с Егором случилось чудо, он еще слишком молод и недостойн. Хотя кто достоин, а кто нет, неизвестно, весы Его неисповедимы...

– Егор!

Тишина.

Снял с плеча дробовик.

Егор говорил, что здесь безопасно. Что они с отцом закрыли вентиляционные решетки, завалили все входы и обрезали трубы, так что никто посторонний пробраться сюда не мог. Они даже канализационные системы зацементировали. Может, уснул. Объялся конфетами и уснул, тут ведь и мебель стоит, диваны, кровати, есть где спать. Странно, а почему они с отцом здесь логово не устроили? Хотя и правильно. Соблазнов чтобы не было. Воля у человека слаба, рядом с обилием еды и вкусного питья трудно удержаться. Еду надо добывать, так заведено.

Огляделся. Я находился в бутылочном отделе. Вино, водка, пиво. Вино давно скисло в уксус, им хорошо обтираться. Пиво стало грязной бурдой, нельзя использовать. Водка полезна. Раны обеззараживать, а потом ее можно на спирт перегнуть, а спирт – это совсем другое дело, хоть куда сгодится. Ликера бы какого, его хорошо с утра, полновесный глоток, от которого начинают приплясывать внутренности, ликер редко сохраняется. И пряников бы – некоторые пряники засохли так крепко, что не испортились и вполне пригодны в пищу, с ликером такие пряники то, что надо, особенно вечером, перед сном. Съешь пряник, потом пару глотков вишневки – и спать уже гораздо веселее.

Но ни одной бутылки с ликером не нашлось, наверное, Егоров папаша любил коротать холодные вечера в слоне с добрым стаканом яичного гоголь-моголя, с книгой в руке, про героев книга, как они на Юпитер летели.

В овощной и мясной отдел я даже заглядывать не стал, там давным-давно все сгнило, распалось в ничто, протухло, только вонь сохранилась ну, или призрак воню. В молочном отделе валялся рюкзак Егора.

Винтовки не было.

Я устроил дробовик поудобнее, под мышкой, чтобы сразу сдернуть при опасности. Вообще-то рюкзак Егора не валялся. Аккуратно стоял возле стеллажа с черными молочными бутылками. В рюкзаке чай и сахар, все, как надо. Значит, Егор оставил рюкзак и куда-то отправился. Куда?

Гараж. Подземная то есть автостоянка. Вход рядом. Интересно, чего он туда поперся...

Свет. На стоянке тоже горел. Несколько ламп, довольно тускло. Егор говорил, что они с отцом добывали здесь бензин. Горючее – это неплохо, в походе оно нам пригодится. Идем на север, зима скоро, попробую сделать примус-термос. Это очень удобно, не надо будет останавливаться, чтобы согреть чай, шагаешь, а чай на бензине подогревается.

– Егор!

В гараже эхо имелось. Должен услышать.

Машины здесь неплохо сохранились. Как новые, даже покрышки целые. Сотни машин, бензина много. Мотоцикл. Блестящий. Интересно, если построить воздушный шар и прицепить к нему мотор от мотоцикла...

Канистра. Пластиковая, десять литров. Далеко, в самом конце ряда. Понятно. Тут они выбрали почти весь бензин, за каждой новой заправкой приходилось забираться все дальше и дальше. А внизу еще этажа четыре, не меньше. Много бензина, этот магазин все-таки настоящее сокровище, легко прожить всю жизнь.

– Егор!

Молчание. Поиграть решил? Или вниз спустился? Зачем тогда канистру оставил...

Я почувствовал. Опасность.

Присел на капот. Надо послушать.

Ну вот, правильно, через минуту в кончиках пальцев появился почти уже забытый зуд. И в животе холодок. Прислонил костыль к машине. В ногах тоже покалывание, нерв проснулся. Приятно, однако. Проверил ружье. Патроны на месте. Ладно, Егор. Пойдем.

Я направился к канистре. Она стояла у стены, крышка открыта, рядом валяется шланг. Пахнет бензином. Столько лет прошло, почти все запахи умерли, а бензин остался, надежная вещь.

Плохо. Егор воняет, обычно я чувствую его приближение издали, а сейчас бензин перебывает.

– Егор...

Ничего.

Машина. Ножницы на полу, большие, по металлу. Чтобы срезать крышки с баков, понятно. Срезал, сунул шланг, сцедил горючее, отошел к стене...

Что-то произошло.

Вроде тихо. Следов никаких. Егор исчез. Потолок. Вентиляция. Трубы. Погань обожает такие местечки, где темно, и тихо, и тепло. Осмотрел. Вроде все в порядке, наверх его не втянули, да и трубы они заделали...

Подождал к канистре.

Горючее из бака разлилось, Егор в него наступил. От машины тянулись четкие следы. До емкости, топ-топ. И все. Куда же он делся?

Жаль, что нет Папы, он бы прочуял...

Присел перед канистрой. Ничего необычного, банка как банка, гараж как гараж. На стене желтые цифры, сорок семь. Четверка и семерка. Больше ничего. Попытался вспомнить. Ну, что-нибудь. Пропадали ли вот так люди? Вспомнить не мог. Наверное, пропадали. У нас все возможно, поганый мир, тошнотворный, это меня больше всего раздражает, бесит – пойдешь за чаем и пропадешь, растворишься на пустом месте. Нет, это определенно испытание. Всем нам.

Сорок семь...

Я все-таки заметил. Семерка. Конец цифры чуть сместился, будто оплыл, и из-под него показался другой конец, чуть более светлый. Что-то щелкнуло у меня в голове, я вспомнил. И не вспомнил даже...

Прыгнул. И тут же в чем-то увяз. На плечи надела плотная тяжесть, я завалился назад, и стало еще тяжелее, меня потянуло...

Затяг. Стены, сочащиеся кровью. Никогда не встречал, думал, что сказка.

Дернулся, стараясь выбраться из теплых безнадежных объятий, но не смог даже сдвинуться, рванулся еще, ноги увязли безвозвратно. Плечи выдрались, я упал на руки. Это поволгло меня назад в стену, боковым зрением я заметил, как искривляются цифры, выпячиваются из стены, как четверка плывет, а семерка пытается меня ухватить, и от этого я дернулся еще сильнее.

Я не думал. В такие мгновения лучше не думать, забыть про мозг, руки, ноги, голова должны действовать сами по себе. Дернулся и почти достал до канистры, коснулся ее, пальцы соскользнули, ногти впились в бетон, я сорвал шлем и запустил его в канистру. Она опрокинулась, и потек бензин, и Господь сделал так, чтобы пол наклонился в мою сторону.

Вдоль стены натекла лужа, и я чиркнул зажигалкой, бензин загорелся. Не вспыхнул, а загорелся, лениво и без воодушевления. Но только в первые секунды, потом он почуял силу и все-таки полыхнул, по стене прошел спазм, и я вывалился на пол, в огонь.

Ладонями и животом ожегся. Но я даже как-то обрадовался, боль меня немного вздернула, прочистила мозги. Я отполз метра на три, подхватил канистру и плеснул на стену.

И вот полыхнуло уже по-хорошему, оранжевым диким огнем. Стена поползла в сторону, я вскинул ружье. Показался Егор. Он был бледен и несколько расплюснут, на щеках красные язвы, свалился в огонь, я выдернул его и накрыл курткой. Стена продолжала отползать. По

ней бежали крупные судороги, огонь капал на пол. Я выстрелил. Наверное, это глупо, пытаться пристрелить стену. Только не у нас. Земля давно уже не твердь, в воде смертельные споры, по воздуху носится ядовитая жгучая пыльца, тени уже давно не просто тени, даже стены обманывают.

Второй выстрел вырвал из стены кусок, склизкий, волокнистый, с толстыми краями. Я перезарядил ружье, врубил в стену еще две пули. Каждый раз она вздрагивала, каждый раз от нее отскакивали шматы, ощутимого ущерба, впрочем, я не отмечал.

Она все ползла и ползла вправо, понемногу втягивалась на потолок, верхний слой, обожженный, слезал лоскутьями, обваливался грязными обугленными лохмотьями. Четверка и семерка продолжали расплываться, они сделались похожи уже не на цифры, а на цветные пятна, с бахромистыми краями.

Что-то похожее на улитку. Но не круглую, а плоскую. Плоская толстая улитка, только очень большая. Гигантская, огромная, такие не могли существовать у нас. Разве что в море, на суше они раздавили бы сами себя, расплющились бы под собственной тяжестью. Улитки очень хорошо маскироваться умеют, принимать цвет других предметов, в книге про морских жителей показывался осьминог, который мог становиться даже в клеточку. Здесь похожее. В сорок семь.

Стрелять бесполезно, решил поберечь патроны. Тварь уползала. Если бы огнемёт, я ее непременно спалил бы, но огнемёта не было. Затяг уползал, дымясь. Страшная штука, типичная погань. Просочилась сюда как-то, видимо, не все Егор с отцом перекрыли. А может, личинка какая пробралась или икра... Кто-то рассказывал про икру. Что будто в некоторых магазинах лежали совсем не простые консервы, а специальные сушеные личинки. Люди эти консервы ели, а потом из них вырывались монстры. А кто эти консервы в магазины отправлял, так и не удалось узнать. Курок считал, что это пришельцы. Вторжение через магазины – это ловко. Продукты-двойники, ядовитые воды...

Какая разница?

Я сорвал с Егора куртку, пощупал горло. Пульса не было. Остановка сердца. Стоило поспешить. Размахнулся, ударил в грудь кулаком. Несколько раз, сильно, чтобы ребра треснули. Пара оплеух. Потом искусственное дыхание и массаж. Скорее всего, Егор просто задохнулся, затяг прижал его к стене и удушил, многие так охотятся, схватят, придушат, потом обедают. Если просто задохнулся, то шанс оживить есть, и даже немалый. Я продолжил лупить Егора, вдыхать ему в легкие воздух и давить на грудь. Через минуту Егор булькнул, вдохнул и заорал. Громко, схватил меня за горло, пришлось стукнуть его уже в лоб. Егор бухнулся на пол.

– Что это... Что это было?

Затяг в соответствии с названием втянулся в вентиляционную щель, оставив за собой запах паленой рыбы, бензина и еще чего-то незнакомого и мерзкого.

– Затяг.

– Затяг? – не понял Егор.

– Ну да. Так ведь называется? Он затягивает, маскируясь под стену.

– Не слышал про такое... – Егор сел, осмотрелся. – Бензина хотел отлить. Глотнул здорово, закашлялся, бензин противный. К стене подошел, облокотился, а оно душить стало...

Егор потряс головой.

– Раньше тут ничего такого... Никогда. А теперь... А ты как тут оказался?

– Погулять вышел. Иду-иду, вдруг слышу – затягивают. Со мной такое не впервые.

– Спасибо. – Егор поднялся на ноги. – Чуть не сдох... Глупо, когда тебя вот так... Ты убил... его?

– Наверное. Хотя я вообще редко убиваю, в самых крайних случаях.

– Да? А что же ты делаешь?

– Как всегда. Совмещаю смерть с неподвижностью. Чай нашел?

Глава 2

Везет просто

Грохот. Бум, бум, бум, я проснулся, и тут же мне по голове добавило еще два бума.

– Дэв! – позвал Егор.

– Что?

– Трясучка, что... Землетряс.

Запели стекла. Когда пускаются стекла, это хуже всего. Похоже на зубную боль, точно по жести острым гвоздем, начинает гореть кожа, она словно отслаивается, и между пальцами возникает чес, и вскакивают волдыри.

Я принялся чесаться.

– А мне в туалет всегда хочется, – пожаловался Егор. – От этого писка...

– Сочувствую, – сказал я.

– Ага, спасибо. Сейчас койки начнут подскакивать.

Но койки решили обождать. Запрыгали бутылки. Стеклянные банки, вся железная и пластиковая мелочь, которую мы не успели закрепить накануне, заплесала.

В последний месяц трясет. Хорошо трясет, раньше так не трясло. Почти каждый день, а еще чаще по ночам. В высотке в тряс не очень уютно, если честно. Первое время мы просыпались, испуганные этим земельным дребезжанием, но постепенно привыкли, перестали реагировать, бояться перестали. Не бояться плохо, как плохо не чувствовать боли. Человеку всегда больно. И страшно. Нет, мне, конечно, не страшно, но чувство опасности терять не хочется. На случай, если мы будем спать слишком крепко, Егор придумал аппарат. Подвесил к потолку на длинной веревке железное ведро. Провел к нему железный желоб, разместил в нем пять тяжелых железных шаров, на краю желоба подкрепил их шваброй. При толчке швабру вышибало, и шары с омерзительным грохотом обрушивались в ведро, бум, бум. Просыпались от этого грохота уже три раза.

Летом смерчи терзали, сейчас землетрясения. Наверное, это от температуры. Летом от жары и сухости земля потрескалась больше, чем полагается, теперь она смерзается и проваливается в себя. Ну и нарыли, конечно. Тоннелей, ям, убежищ, проходов, пещер. Город стоит на подпорках, на воздухе, подпорки трухлявеют. Вроде такова причина провалов. Физическая. Вещественная. Но есть еще и другая, настоящая.

Зло, которого слишком много и которое слишком весома.

– Что-то сегодня сильно... – неуверенно сказал Егор.

Со стены обвалилась полка, игрушки рассыпались по полу. Егор поднял плетеную рыбку, спрятал в карман.

– Папка говорил, что оружие такое было раньше. Можно было землетрясение на большие расстояния перекидывать.

– Кому нужно здесь-то трясти?

– Добить хотят.

– Что?

– Добить. Или зачистить. Отсюда же все ползет.

Я что-то не замечал. Раньше всегда думал, что тут, на Западе, должно поганью все просто кишеть, однако тут оказалось достаточно спокойно. Да, сумраки, справиться с которыми невозможно почти, но сумраки – это сумраки, а где все остальные? Где волкеры, от которых за МКАДом нет прорыва? Где жнецы, неотвратимые, как закат? Кенга, любительница мусора, помойная богиня, выедающая кишки. Все эти выпы, и нои, и мутанты, и бодучие табуретки, и еще устрашающее количество созданий, задача существования которых заключается в истреб-

лении нас, людей? Даже мрецы беспокойные, живые ненасытные трупы, и тех здесь не очень много, но это, наверное, из-за кладбищ. Они здесь есть, но очень старые, похороненные на них давно уже стали черноземом и вряд ли проявят излишнюю резвость. Почему их здесь нет, а там, на Востоке их много? И откуда они вообще?

Неясно.

Тряс прекратился.

– В слоне не так трясло бы, – задумчиво сказал Егор. – Надо давно было туда переселиться, торчим тут, как... Как дятлы.

– Здесь воздух лучше.

Это правда, воздух лучше. И спокойнее – на такую высь погань редко забирается. Нет, в высотке хорошо, только холодно в последнее время. Потому что осень. И трясет. Потому что... А, ладно.

– Воздух. – Егор потер пальцами. – Развалится все к черту, в земле дыры образуются, папка давно рассказывал, – сказал шепотом Егор.

– Куда дыры? – спросил я.

– А кто его знает... Ты снеговиков видел?

Дыры. Прорехи. Давно о них думал. Вопрос в том, куда прорехи? Прорехи многое бы объясняли. Через прореху может что угодно просочиться. Вот у нас на Варшавской... То есть у них на Варшавской было. Однажды я инспектировал хранилище, и случай случился. Мешок с макаронами Шнырь нечаянно зацепил прикладом, а мешок и треснул по боку, слишком туго набили припасами. Сначала брызнули желтые макаронные колечки, посыпались на пол, потом какая-то мучнел, а затем жуки. Черные, твердые, прямо горстями полезли, точно это их на зиму запасали. И живые эти жучилы, несущенные, как побегут, как дернут, и по всем щелям, и по всем закоулкам, так что пришлось потом полдня их выжигать да вытряхивать.

Так и здесь может быть. В одном месте треснуло, а они и сыплются, сыплются, нет им покрывки...

А если еще не в одном месте лопнуло? А если мешок бездонный? Невеселые осенние мысли.

– Снеговиков видел?

– Ну, видел, – ответил я. – А что?

– Ничего, интересно просто. Они опасны?

– Кто?

– Снеговики?

Я посмотрел. Смеется, издевается или на самом деле не знает?

– Да не очень. Если только не жрать.

– Кого? – не понял Егор.

– Снеговика, кого же еще.

Он даже в койке повернулся.

– Снеговик – это человек из снега, – объяснил я. – Его лепят зимой, потом водой заливают. И он стоит себе, смотрит вдаль до весны.

– Человек из снега, – сказал Егор задумчиво. – Забавно...

– Старинный обычай. Лепят человека из снега, затем в глаза деньги вставляют с орлами. А потом вокруг хоровод водят. Но мы никогда не водили.

Егор вздохнул.

– А мне папка за печку подарок прятал, – сказал он. – Каждый Новый год. И рассказывал, что это Трубный Дед.

– Трупный Дед, я что-то слышал такое...

Я плохо умею шутить, тупо, Алиса хорошо умеет, но не шутит, она теперь с головой не в дружбе. Но я хочу научиться.

– Ты плохо шутишь, – сказал Егор.

– Алиса хорошо шутит. Если хочешь, я ее попрошу, она расскажет тебе пару забавных историй.

– Не, не надо. Трубный Дед, он спускается по трубе и дарит людям полезные вещи.

– Таких дедов не бывает.

– Бывают. Но они приходят только к тем, кто крепко спит.

Знаю я, кто приходит к тому, кто крепко спит. Смерть в зеленом колпаке. Тот, кто крепко спит, редко просыпается.

Койки опять затряслись. Запрыгали, заплясали почти, мне пришлось вцепиться в спинку, и только так я удержался. Егор не удержался, свалился, копчиком ушибся, поднялся. Здесь уже потрянуло хорошо, мощно. Егора подкинуло, он растянулся на полу. И тут же по стене побежала трещина, живая, ветвистая.

– Ой... – прошептал Егор.

Трещина хрястнула и разошлась в ширину. Из стены вывалился кусок, Егор отпрыгнул в сторону, чуть не завалило.

– Что-то сегодня...

Дзиньк!

Стекла вылетели и засыпали комнату острым крошевом. А я велел ему скотчем стекла обклеить, то ли забыл, то ли поленился.

– Что это?! – по щеке у Егора потекла кровь, осколком зацепило.

– Что-что, уходим, – сказал я.

Я выскочил из койки, вытащил из-под нее рюкзаки.

Один мой старый, походный, в котором есть все, чтобы отправиться на край. Другие запасные. Четыре. С запасами то есть. Еда, лекарства, порох – я наковырял тут четыре банки, ну, и другие полезные вещи, много.

Походный рюкзак закинул за плечи, запасные выкинул в окно, все пять штук. Они хорошо мягким набиты, не разобьются. Одежда. За минуту.

Егор одевался медленно, раза в два медленнее. У него было три рюкзака, я их выкинул тоже.

– Надо было парашюты брать... – вздохнул Егор. – Папка еще хотел парашюты, сейчас бы спрыгнули...

– Я боюсь высоты, – сказал я.

– Мы тоже боялись. А веревок не хватит...

Подхватил карабин, подхватил винтовку, подхватил оружие Егора, костыль под мышку. Егор растерянно оглядел комнату.

– Уходим, – сказал я.

Забрал с тумбочки серебряную коробочку с веригами, сунул в карман.

– Спасибо этому дому, пойдем к другому, – пробормотал Егор.

И мы стали уходить.

По запасной лестнице.

Егор первым. Я за ним. Толчки не повторялись.

– А у вас в Рыбинске земля тряслась? – спросил Егор.

– Редко. Она плавала.

– Как это?

– Не вверх-вниз, а туда-сюда. Как на льду. Плывуны. Идешь по лесу, а земля вдруг как поедет. И ты вместе с ним, а потом мясорубка. Самое страшное. Землетрясы – это ничего. Хотя это явление явно античеловеческое, направленное против последних нас.

– Как это?

– Человек взметнул этажи над лесами, продолжил себя в высоту. Сатана разрушает все, что построено, с тем чтобы ввергнуть нас в первобытную равнинность. Все понятно?

– Ясно. А папка говорил, что Земля падает на Солнце, – Егор держался за перила. – И от этого трясется. Мы сейчас падаем на Солнце.

– Если бы мы падали на Солнце, то было бы жарко, – возразил я. – А сейчас не жарко, сейчас наоборот. Мы если и падаем, то в космос.

– Может, мы летом на Солнце падаем, а зимой...

Наверху грохнуло. Что-то обвалилось. Стена, что ли...

– Дом разваливается, – сказал Егор. – Лучше сюда не возвращаться, лучше в слоне...

Он стал шагать быстрее, а я отстал и сказал вдогонку погромче:

– В слоне жить унижительно, Егор! Человек не должен жить в слоне! Человек должен дружить с высотой, тут больше воздуха и меньше плесени!

– Зато не сдохнешь.

– Сдохнешь, Егор, сдохнешь! Никто еще не минул этого. Правда, некоторые, совсем немногие, были вознесены в огненном вихре... Нам это не грозит. Послушай, Егор, а что ты вообще от жизни хочешь?

– Не знаю.

Это он правильно ответил. Человек и не должен знать, что он от жизни хочет. И что завтра с ним случится, тоже не должен знать. Провиденье грядущего лишает смысла настоящее.

Костыль скрипел по ступенькам, не очень удобно бегать на костыле. С другой стороны, привыкаешь и к костылям, ко всему.

Третий толчок. Мощный, я уже покатился. Дом устоял, только загудел.

Егор сидел на ступенях у стены. Бледный.

– Не дрожи, Егор, – сказал я. – День, в который тебя не пытались сожрать или завалить по крайней мере домом, прожит зря. Жизнь – борьба.

– А, брось... – махнул рукой Егор. – Борьба... Как с трясушкой бороться? Это не сумрак, ему голову не снесешь.

– Ну, способы есть...

– Какие это? – с обидой спросил Егор. – Как остановить трясушку?

– Ну, тут много... Можно. Только надо шире смотреть. Твой отец мне подсказал...

– В телецентр идти, – капризно сказал Егор. – Слышал. Ну, дойдем мы в этот телецентр, и что дальше? Узнаешь, с чего все оно началось, отыщешь кнопку. Нажмешь на эту кнопку. А если ничего не случится?

– Тогда мы поищем еще, – спокойно ответил я. – А потом еще. И еще. И так до тех пор, пока не найдем.

Егор промолчал. Плюнул только, пошагал вниз.

Я его понимаю. Егор спокойный человек. Вырос с отцом, в слоне. Он слоносед, попробуй такого куда-нибудь сподвинь. Но ничего. Героями не рождаются, героями становятся. Или умирают, тут кому как свезет.

– Нас не засыплет, не беспокойся.

– С чего ты так уверен? – спросил Егор снизу.

– Меня одна ведьма заговорила, – соврал я. – На засыпание. То есть засыпать обрушенным зданием меня невозможно. И вообще она, ну, эта ведьма, она мне сказала, что меня засыплет чемоданами, таков мой исход, нелепый и печальный. А чемоданов я что-то вокруг не вижу...

Затрясло снова. Егор сел, зажмурился и прикрыл голову руками. Я цапнул его за шиворот и поволок. Через пять минут мы были уже на улице. Земля дрожала, равномерно и не поживому. Машины с окрестностей сползались в кучу, терлись друг о дружку мордами с железным звуком. Я всегда думал, почему многие машины стоят кучками? Шнырь сказки мне рас-

сказывал – что машины, они как живые, за долгие годы им становится скучно, и они собираются вместе, чтобы не было так страшно. А вот почему. Страхивает их просто.

Сама дорога трескалась, уже и без того крошенный асфальт измельчался еще сильнее, в чешую. Со всех сторон доносились протяжные стонущие звуки, точно кого-то долго и с удовольствием резали.

Мы отбежали в сторону от высотки, она, конечно, крепкая, сколько лет тут простояла, не упала, но кто знает? Если такая дура завалится, на километр вокруг обломками завалит, похоронит, не откапнешься.

Но высотка выстояла. Тряс прекратился, и вокруг установилась пронзительная тишина. Нет, где-то вдалеке все еще обрушивались балконы и трещало что-то каменное, но даже эти звуки являлись частью большой тишины. Егор вытер со лба грязный пот и выдохнул:

– Раньше почти не трясло...

– Раньше я был бы водопроводчиком, – перебил я. – Времена меняются, мир меняется, люди остаются. Так-то.

Я вдруг подумал, что стал говорить, как Гомер. Как опытный человек, который видел много и которому есть что сказать молодым. А ведь я его уже не очень хорошо помню, иногда уже не могу и понять – то ли он это раньше говорил, то ли я это сам уже начал придумывать. Люди становятся похожи на тех, кто был рядом с ними в молодости.

Наверное, раньше, в мире, где тебя не пытались сожрать каждый день, на память оставалось больше места. И лица близких людей не растворялись так стремительно в жизненном вращении. А с нашими скоростями... Тут в один день происходит столько, сколько у нормального человека в три жизни не уложится, память не выдерживает. Вот и Гомера я помню все хуже и хуже.

– Надо в слона перебираться, – сказал Егор. – Прямо сегодня. Сейчас прямо...

– Мы, кажется, сумраков пострелять собирались.

– Сейчас?!

– А что? Не будем откладывать.

Егор с сомнением поглядел на дом.

– Стоит, – успокоил я. – И нас еще перестойт. И вообще, зря, что ли, спустились?

– Ты прав, наверное...

Я усмехнулся.

– Конечно, я прав. Оружие прихватили, можем заняться сумраками... А где Алиса?

Егор пожал плечами.

– Ты ее с утра видел?

– Нет... То есть видел, она на шпиле сидела. А потом по крыше гуляла...

– То есть она может оставаться там?

Егор задрал голову.

– Вряд ли, – сказал он. – Она, наверное, ушла. У нее же чувствительность...

В ноги ударило.

Тряс не прекратился.

За зоопарком обрушился дом. Громко, в воздух темным клубящимся призраком взметнулся фонтан пыли.

– Начало падать уже, – выдохнул Егор. – Раньше не падало. Все к чертям...

Это точно. Город разваливается. Дни наши исполнились тяжестью злодеяний, и крыши не выдерживают груз неба, оседают на головы уцелевших.

На наши головы, так-то.

– Я, пожалуй, схожу, посмотрю, – сказал я.

– Куда? – тупо спросил Егор.

Я не стал отвечать, сбросил рюкзак, сунул ему карабин, сунул костыль, побежал обратно.

– Стой! – крикнул Егор. – Ты что?!

Вверх оказалось легче, чем вниз. Громада дома подрагивала от неустойчивости, а мне представлялось, что дом трясется от моей неотвратимой поступи, самоуверенно, конечно, но казалось. Чувствовал себя особенно могучим. Вверх за пятнадцать минут, сбил дыхание, вот что значит отсутствие физической активности.

Алисы не было. Квартира, в которой я прожил последнее время... Ее тоже уже не было. Крошево из штукатурки, самодельных игрушек, книг, тряпок, других вещей. Опять. Дом, давший мне приют, уничтожен. Как всегда. Какое-то проклятье...

Я выбрался на крышу. С востока наплывали зимние облака. Алиса сидела на парапете, кидала вниз камешки. Прекрасное занятие. Хотел бы я так. Сесть где-нибудь на мосту, кидать в воду камешки, никого не бояться.

– Пойдем отсюда, – сказал я.

Алиса, само собой, не ответила.

– Тут может все рухнуть. Прямо сейчас.

Алиса не оглянулась. Крыса ее оглянулась, сверкнула на нас бусинками глаз.

– Все будет хорошо. Сейчас мы отправимся вниз, нас там уже Егор дожидается. Он там волнуется, сам сюда бежать хотел... Пойдем вниз, а? А то Егор переживает... Смотри, какие облака красивые! Да ты и так видишь...

Куртка у Алисы порвана, поперек спины царапина, точно когтем полоснули.

– А я самолет ведь видел. Помнишь, я тебе рассказывал? Самолет – это ведь многое означает, понимаешь? Самолет – это значит, что люди еще есть, остались. Пусть где-то там они живут, но они все равно есть. И летать умеют. То есть у них техника сохранилась, ты представляешь?

Она не представляла. Самолет не самолет, ей разницы никакой...

Прямо перед нами, километрах в двух, обвалился высокий, похожий на круглую высокую башню дом. Он раскололся на три части и распустился в стороны, как тюльпан.

– Я скучаю, – сказал я.

И повторил:

– Я скучаю, Алиса. Мне плохо без тебя.

Алиса повернулась. Теперь она сидела спиной к многометровой пустоте, на самом краешке. Смотрела в сторону, не на меня.

– Пожалуйста, пойдем.

Алиса прыгнула с парапета, прошагала мимо меня, от нее исходил ощутимый жар.

Алиса меня ждать не собиралась, направилась вниз вприпрыжку, только что не насвистывая. Я хромал. Толчки не повторялись. На лестнице тихо, только вериги побрякивали в серебряной коробочке.

Вериги я снял. Вернее, их снял Егор, когда я был в бессознательном состоянии. А дырки заросли. Быстро и накрепко. Едва начали двигаться руки, я хотел их вернуть... Но не вернул. Слишком много боли в последнее время, перебор. И причинять себе лишнюю боль мне не очень хотелось. Я решил отдохнуть от боли. Конечно, в веригах есть сотня плюсов...

Но я уже не молод.

Я протер их спиртом и спрятал в серебряную коробочку. Хотел вменить их Егору, но потом вспомнил об особенностях его воспитания. Он уже слишком вырос, может неправильно понять. Я с ними прожил почти всю жизнь, а он...

Он прожил всю жизнь с отцом.

Отец, наверное, гораздо лучше всяких вериг.

Это Москва. Она начала пропитывать меня своим легкомысленным духом, я даже про тропари стал забывать. Еще год назад я не мог прожить без тропаря ни одного дня, а теперь...

Перед сном. И с утра, но не каждый день.

Вериги позвякивали, напоминая мне о прошлом, которое вряд ли удастся вернуть. Жизнь, оставшаяся за МКАДом, казалась совсем чужой. Заполненной простыми привычными заботами: убийством мрецов, охотой на зайцев, забегами наперегонки со жнецами. Раздумьями о лете, надеждами на хороший улов. А теперь я хотел иного. Я окончательно вырос, стал выше себя позавчерашнего, перешагнул через себя прошлогоднего, смерть взрослит.

– Эй! – крикнул Егор. – Ты где?!

– Сдох, – ответил я.

Глава 3

Осенние грибы

– Там, – прошептал Егор. – Там, под лестницей.

– С чего ты решил?

– Они всегда тут устраиваются. Папка всегда в сентябре тут убивал. Перед зимой надо зачистить территорию, а то к весне много накопится.

– Понятно.

Я достал бинокль, стал разглядывать дом.

– Сейчас самое время. Они сейчас засыпают, делаются медленными. Ночью заморозок прошел. Можно без ускорителя. Только все равно осторожно надо. А лучше сразу гранату. Они всегда в этом подъезде, именно в этом.

Дом как дом. Обычный. Интересно, почему?

– Давай из гранатомета выжгем.

– Нет.

Всего два выстрела осталось, гранатомет надо поберечь, вдруг пригодится? Егор говорит, что огни вчера видел. Вечером. В небе. Снова. Не шаровые молнии. Огни. Передвигались в облаках, сходились – расходились.

Я никаких огней не видел. Хотя я вечером и не выходил, спал.

– Лучше из гранатомета, – повторил Егор.

– Я сам знаю, что лучше, – огрызнулся я.

– Да ладно, не злись... Я просто к тому...

Злой я стал, это он верно. Можно бы и не злиться, а я злюсь. Раздражаюсь. Даже сам не пойму из-за чего. Наверное, из-за неподвижности. Месяц с лишним в неподвижности, хорошего мало.

А мог бы и сдохнуть. Запросто. Я даже сдох, эта предсказальница все точно прозрела, отвернуть советовала. Но я не отвернул. И дошел. Пусть это не Центр, но все равно. Добрался. Япет проиграл, Доктор выиграл.

– Ты же еще хромаешь. А вдруг он не совсем замерз, вдруг он шустрый? Такое бывало. Однажды папка...

– Разберемся. Сиди здесь.

Я поднялся. Направился к лестнице. Нога сильно не болела, но и в нормальное состояние еще не пришла. Плохо сгибалась.

– Ну, одного еще убьешь, другие придут. Всех не перебить.

– Их вообще нельзя убить, – поправил я.

– Почему?

– Они не живы. В этом наше преимущество. Мы смертны, это главная ценность. Сиди здесь.

Руки тоже работали не очень хорошо. Левая до сих пор не развивала должного усилия, правая более-менее. И шея на правую сторону не до конца сворачивает. А ладно...

Я стал спускаться. В очередной раз отметил, что вниз шагать гораздо сложнее, чем вверх. Что-то щелкает в организме. В ногах, в позвоночнике, в ребрах, я похож на деревянного человека, разохся и не пляшет, а если по лестнице спускается, то обязательно держится за стены. Чтобы не упасть.

Я нездоров.

Вот это мое нездоровое состояние сильно повлияло на меня. Не только на психику, ладно, раздражительность, успокоюсь. Но я теперь везде с неправильным оружием хожу. С дурным, с

тем, которое раньше даже в руки не взял бы. С винтовкой. С пистолетом. Карабин таскает Егор, он у меня вроде как оруженосец, я его тренирую. Заставляю заряжать-разряжать, каждый день по двадцать раз. Ничего. Успехи есть, минута двадцать. Конечно, я за это время могу четыре раза... Мог. Сейчас я еще медленнее Егора. И слабее. Раньше, допустим, я легко проталкивал пулю шомполом, теперь приходится вбивать ее молоточком. Так что винтовка и только винтовка. Я понял, винтовка – оружие для калек. Но по-другому пока никак.

– Сиди здесь, у окна, – повторил я.

Подхватил канистру, пнул дверь, вышел на улицу. Холодно. Под ногами хрустит лед, шагать скрытно не получается. Впрочем, в этом сплошное преимущество – твари тоже потихоньку не умеют, и хруст их слышен издали. Зима – наш союзник, мороз – наш друг. И воздух стал чище, гарь, затопившая мир летом, притихла, втянулась в земные норы, дышать стало легче. Небо потеряло неприятный оттенок красной глины, просвечивало через тучи синим и желтым, настоящее осеннее небо.

Теперь только перейти улицу. С нечетной на четную, дом 24.

Хруст, хруст. Шестидесят восемь шагов, а раньше я эту улочку легко перешел бы за сорок. Это как старость.

Дверей в подъезде не было, валялись рядом. Железные. Люди обожали ставить в свои дома железные двери, видимо, опасность существовала всегда, ничем другим объяснить такое количество дверей не получалось.

Подъезд был как всегда темный. Я достал спичку, чиркнул, швырнул внутрь.

Спичка горела красным, светло. Снял винтовку, старался держаться стены. Под лестницей что-то вроде логова. Мусор, слюни, пустые бутылки. Бесформенное гнездо, большое. Хотел сразу выстрелить, затем вдруг решил посмотреть – как они там живут. Внутри. Сугубо с познавательными целями. Пристегнул к стволу штык.

Воткнул в кучу мусора, дернул вниз. Мусор рассыпался, и наружу вывалилась рука. Я отпрыгнул, вскинул винтовку. Самая обыкновенная человеческая рука, длинная, узкая. Женская, слишком узкое запястье. И кольца. На пальцах.

Сумрак затащил в свое логово человека. Возможно, это запасы на зиму, должен же он что-то жрать?

Я уже собрался распотрошить эту мусорную кучу, но тут рука выставилась еще. Пальцы сжались в кулак. До локтя это выглядело как нормальная человеческая рука, а выше...

Выше это был уже сумрак. Распухший до красноты локтевой сустав переходил в однородную, белесоватую конечность, прорезанную густой сеткой кровеносных сосудов. Превращение. Зимняя спячка. Вот оно как, значит. Из людей получаются. Зараза.

Я вскинул винтовку и выстрелил. В то место, где должна располагаться голова. Два раза. Гильзы звякнули о стену. Я наклонился, поднял, спрятал в карман. Звонилка получится, или свистелка даже, каждая гильза свистит в своей собственной манере.

Пальцы сжались в кулак еще несколько раз, распустились. Все, кажется. Спичка погасла.

Свинтил с канистры крышку. Плеснул на мусор, чиркнул огнивом.

Загорелось.

Вернулся на улицу. И не надо никакого гранатомета, действуем своими силами.

Из окна выставился Егор, помахал мне рукой.

Нормально. Пойдем дальше, в конце улицы на третьем этаже, там, кажется, еще. Надо до обеда зачистить.

Через пару дней идем на север. Тут недалеко, буквально несколько километров. Местность только почти непроходимая, если верить Егору. Если верить ему, то Старший пытался туда два раза пробраться, и два раза возвращался потрепанным. Огромное количество сумраков. Ловушки. Участки с деформированным пространством. Как пройти, неизвестно. Хотя

Старший и оставил карту. Можно пойти кружным и длинным путем. Но в этот раз мне хочется напрямик – не очень приспособлен я для дальних походов. Теперь.

– Беги! – заорал Егор.

Я не побежал, просто в сторону отпрыгнул.

Факел. Он медленно брел в мою сторону.

Грохнуло, Егор выстрелил из карабина, попал в стену.

Сумрак наступал на меня. Никакой скорости, просто плелся, чуть приволакивая ногу. Время есть. Я поднял винтовку.

Сумрак прыгнул, я выстрелил. Нет, все-таки это удивительно неприятное оружие. Звук, отдача, какая-то игрушечность во всем, просто противно. Калибр. Хуже всего, безусловно, калибр.

Пуля попала сумраку в плечо, он даже не заметил. Ладно, в колено, по старинке.

Выстрел.

Патрон перекосило. Вот поэтому я не люблю штурмовые винтовки, автоматы, пистолеты-пулеметы, ручные пулеметы. Они ненадежны. Изношены. Патроны переснаряжаются по два-три раза, вот и перекосы. Заеды, осечки, да мало ли...

Отбросил в сторону, достал пистолет. Пистолет получше, почти новый, мало стреляли. Конечно, в не очень хорошем состоянии, пружины подмяты.

Выстрел.

Мимо.

Докатился, стал мазать. Никогда такого не было. Руки дрожат, не дрожат, не могу нормально стрелять. Сумрак приближался. Егор заорал что-то сверху. Я вернул пистолет в кобуру. Походим. Сумрак горит, и горит неплохо. Шагает медленно. Как и я. Походим.

Я двинул по улице. Сумрак шагал за мной. Со скрипом. Метров через пятьдесят он остановился. И я остановился.

Сумрак догорал. Кожа слезала, грязными лохмотьями, мясо пузырилось, горит как затык, вся погань одинакова. Все, вряд ли теперь бегать станет.

Я обогнул сумрака и вернулся к дому 24.

Показался Егор. Поглядел на меня с сомнением.

– Ерунда, – сказал я. – Куда дальше?

– Может, в слона? Отдохнешь...

– Я не устал. Злость в руках, надо выплеснуть, а то могут чирьи повыскакивать.

– Что? – не поверил Егор.

– Чирьи. У тебя были?

– Да...

– Вот видишь. Это от злости. Надо было выпускать эту злость, я когда злился, всегда шел к ближайшему кладбищу. Придешь, сядешь на могилку, подождешь немного, пока мрецы тебя не учуют. Ну и стреляешь себе, пока нервы не успокоятся. И никаких кожных заболеваний. Тот, кто много стреляет, тот долго живет, все болезни от нервов, это издавна известно.

– Я не люблю стрелять, – сказал Егор. – Я люблю спать.

– Вперед, слоноид, вон туда, кажется.

– А винтовка?

– Она меня разочаровала.

Мы шагали по узенькой улочке. Спать он любит. Кто не любит?

Егор кряхтел и был недоволен. Не хотелось таскать оружие. Мой карабин, свою винтовку, гранаты. Не хотелось ему и по морозу болтаться, хотелось сидеть в слоне возле печки. Я его понимал. Я тоже хотел к печке. По утрам и вечерам у меня сильно ныли поломанные кости, я доставал специальную войлочную одежду, нарезанную из валенок, заворачивался в шерстяное одеяло, подвигался к очагу и грелся, как старик.

Греться, это хорошо. Но я помнил, что в жизни не только печки и горячий чай, в ней есть еще и цель.

– Осенью всегда хлопоты, – утешал я Егора. – Надо приводить в порядок дела. Мы в Рыбинске осенью много что делали. Налимов били в ночь, кенг по норам вытравливали осинным дымом, грибы собирали.

– Грибы?

– Ну да, грибы. Подземные. Мы их с помощью поросят искали. Вкусные. Грибы то есть. Иногда по ползимы на этих грибах сидели. Так что не ропщи особо. Сейчас перебьем сумрачат, весной меньше забот.

– До весны далеко, – вздохнул Егор.

– Надо думать о будущем, – сказал я. – К тому же я должен посмотреть.

– На что посмотреть? – насторожился Егор.

– На тебя.

– Как это? – Егор остановился.

– Сумраки действительно в спячке, – сказал я. – Во всяком случае, приткостью они не отличаются. Так что с ними младенец справится.

– Я...

– Это просто, – сказал я. – Стреляй в шею. Не паникуй.

– Ладно... Просто обычно это папка делал.

– Теперь его заменишь ты.

– Но ведь папка...

– Он смотрит на тебя с небес, – заверил я. – Можешь не сомневаться.

– Но я...

– Вперед, убийца, – сказал я и подтолкнул Егора в лопатки.

Он насупился. А что делать? Надо взрослеть. Всю жизнь в слоне не отсидишься. Мы свернули в проулок и встретили танк. Большой, старый, похожий на толстого лобастого жука, цвета зелено-рыжего.

– Это тот самый, – сказал Егор. – Однажды папка в нем две недели почти просидел. У него тогда ускоритель наполовину сработал, вот он и затормозился. Бежал, бежал, видит, танк. Люк как раз оказался открыт, он и запрыгнул. А сумраки почти пятнадцать дней скреблись.

– А что же он не вылез? – спросил я.

Две недели в танке. Неплохо. Я знал одного человека, который шесть дней в нефтяной бочке просидел. Только его не сумраки загнали, а волкеры. И не в городе, а в лесу. Два часа почти через бор вели, этот человек думал, что все уже, дыхание село почти. И тут на бочки наткнулся. Повезло, бочки как раз были подходящие, с крышками, человек запрыгнул, завинтился. Думал, волкеры отстанут – нефтью все-таки воняет, а им плевать, воняет не воняет, они жрать хотят. Так шесть дней его и катали, пока не надоело. Терпение – важное качество, это несомненно.

– Как вылезешь? Без ускорителя никак, разорвут, а часто его нельзя применять, вены выгорят. Вот папка и ждал, пока время пройдет. Ничего, ему понравилось.

– Чем?

– Надежно.

Егор пнул гусеницу. Да, надежно.

Хорошо бы этот танк починить. Это на самом деле было бы просто здорово. Сесть в танк, набить его запасами, едой разной и отправиться на нем в путешествие. Танку ведь все равно, где ехать.

– Мы его отремонтировать думали, – сказал Егор. – Только не получилось ничего. Двигатель надо доставать, а для этого целый завод нужен. Раньше на танках самые лучшие люди ездили.

– Лучшие – это какие?

Егор пожал плечами.

– Не знаю, как они там определялись. Но самые главные ездили на танках.

Мы с сожалением перелезли через танк. За ним стояла колонна ржавых грузовиков, поросших шипастыми кустами, загорала все. Протиснулись вдоль стены, переулок вывел нас к изогнутой улице, на которой почти не было машин и сохранились несломанными все фонари.

– Вон, – указал пальцем Егор. – «Сосисочная № 9». Они там любят прятаться. Не знаю, почему.

Сосисочная. Слово какое-то... Необычное. Неудивительно, что сумраки тут прячутся. Я видел банки с сосисками, открываешь, а там пена вонючая.

– Внутри, – кивнул Егор. – Там в подвале они и сидят.

Уставился на меня.

– Не переживай, – сказал я. – Если что, я за тебя отомщу.

Егор сбросил рюкзак на асфальт, бережно протянул мне карабин, себе оставил штурмовик.

– Дай-ка и это. – Я отобрал у него винтовку.

У Егора неплохая молотилка, крупный калибр, замедлитель огня, увеличенные магазины, переделанный утяжеленный ствол. Такой штукой можно два кирпича пробить, главное, чтобы в хорошем состоянии была. Отец Егора за оружием вроде следил, но я уже говорил, не оружие часто главное, а патроны. Патроны отец Егора переснаряжал, от этого и беда. Неделию назад, валяясь в койке, я произвел отбор. Себе оставил самые ненадежные патроны, с поцарапанными гильзами, с самодельными пулями и с самодельными же капсюлями, Егору отдал припасы новые. Хотя, конечно, совсем новых не было вовсе. Найти бы военный склад...

Поэтому я и люблю карабин. Порох всегда можно найти, свинец наковырять из аккумуляторов, с капсюлями, конечно, сложности, но и это решается. И почти никаких осечек.

Проверил винтовку Егора. Вроде ничего. Вывинтил из приклада штык, прищелкнул к стволу.

– Вот примерно так, – вернул оружие Егору.

– Зачем штык?

– Вспарывать, – объяснил я. – Если что. А вообще все просто. Зайдешь, кинешь спичку. Она загорится. Увидишь сумрака – стреляй. Одиночным. Потом сразу беги наверх. Понял?

Егор кивнул.

– Десять минут. Если не вернешься, я спущусь.

Егор кивнул еще. Он приложил к плечу винтовку и двинулся к сосисочной. Перешел улицу наискосок, толкнул плечом дверь.

Я присел на опрокинутую мусорную урну, стал ждать. Сумраки – неплохая разминка перед броском на север. Постреляем поганцев, наберемся уверенности, она не только Егору нужна, она и мне не мешает. Только Алисе не нужна уверенность.

Огляделся. Не видно Алисы, прячется где-то.

Выстрела нет.

Солнце прорезалось через тучи, брызнуло мне в глаза отражением от соседних стекол. Зажмурился. Надо сегодня убить штук пять сумраков, не меньше. И завтра, и еще пару дней, а потом уже и на север. Интересно, там есть кто? Люди то есть. Давно я людей не видел, живем в пустыне. А что, если мы последние?

Никогда не мог такого представить. Мы одни. А ведь в этом мире все что хочешь случается. Варшавская могла провалиться. Или затопило ее. Или прорыв, погань продавила засеки, или проникла изнутри, есть тысяча причин для смерти. Мы с Егором остались. И надо доживать. Вот мы бредем через остывающий город, заходим в дома, ночуем в старых котельных,

прячемся в люках и на чердаках, разговариваем, чтобы было не так страшно, а иногда по той же причине молчим.

Что-то он не стреляет. Пять минут точно прошло, а он все не стреляет. Еще две минуты подожду. Закрыв глаза и стал считать. Можно было прочесть тропарь, например, победы, он как раз чуть больше двух минут, но я стал просто считать. Две минуты – это примерно сто.

Посчитал.

Выстрела нет.

Придурок. Не может справиться с простым делом, ладно, еще минуту. На двадцати я не выдержал, поднялся с мусорки и двинулся к сосисочной, смешное слово.

Видимо, сосисочная представляла собой разновидность кафе – много перевернутых столов и стульев, на стенах пыльные картины, кое-что еще видно – хлеб, помидоры, жареная рыба. Егор прав, в таких местах погань любит прятаться, она с чего-то всегда к людям притягивается, даже к бывшим. Наверное, тут энергия. Мы ее не чуем, а они чувят. Ладно, посмотрим.

Я пересек зал и вступил в задние помещения. Раньше тут приготавливали пищу, на полу валялось много разной посуды, ножей, ложек, вилок и другой утвари, вход в подвал располагался в коридоре, рядом со складом. Здесь уже темно, в воздухе пахло железом, и... спичкой не пахло. Эти спички чрезвычайно вонючие, сладкий серный запах, его можно за километр учуять. Егор не зажег спичку.

Или он струсил и не спустился в подвал, или...

Само собой, внизу было темно, пришлось воспользоваться карбидкой. Узкая лесенка, спустился по ней. В подвале пахло древней плесенью, карбидка светила тускло, или темнота слишком густая, коричневая, непробиваемая, как под водой. Запнулся. Направил луч под ноги. Пол покрывала все та же плесень, следы на ней просматривались четко. Егор здесь был. Я направился по его следам и почти сразу увидел.

Сумрак стоял у стены. Обычный такой сумрак, бледно-червячного цвета, с опухшими суставами, стоял в позе дерева, в которое ударила молния. Он был в очках, это меня просто поразило. Круглые черные очки, непонятно, на чем они держались, нос почти врос внутрь. Меня сумрак не заметил, никак, во всяком случае, не прореагировал. Я сделал шаг. Еще один. Мордой к стене. И еще один, стоит в странной позе, опершись лбом на кирпичи. Потом сразу двое, тоже лбом к стене.

Гнездо. Егор говорил, что они одиночники. А вот, оказывается, и нет, собираются в стаи для зимовки. Многие звери так поступают, летом готовы друг другу горло перегрызть, а зимой в одну берлогу залягут и сопят себе, сопят. Хорошо бы сюда гранату. И канистру напалма. Бензина хотя бы.

Если бы не зима...

Егор сидел на трубе. Винтовку он держал между коленей. Спокойно так сидел, смотрел прямо перед собой. Увидел меня, скосил глаза, моргнул. Я кивнул. Сумраки спали. Но не совсем, я видел, как подрагивают их лапы, как двигаются острые лопатки, как морщится кожа на затылках. Нет, они не спали, они ждали.

– Уходим, – прошептал я чуть слышно.

Егор помотал головой.

– Уходим, – прошептал я настойчивее.

– Они раньше всегда поодиночке, всегда поодиночке... – с отчаяньем проговорил Егор.

– Это потом, на воздухе. Сейчас уходим.

Егор выпучил глаза.

Я оглянулся. Сумрак белел возле лесенки. Когда спускался, не заметил его... Или он там не стоял. Спустился за мной. Получается, что ловушка. В условиях зимы каждая самостоятельная тварь начинает действовать совместно, совместно спят, совместно охотятся. Знать бы,

что будет, когда они сожрут всех людей. На кого переключатся? Друг на друга. Они спокойно жрут друг друга, как вся погань.

Дорога перекрыта.

Это был совсем не сумрак. Человек. Самый настоящий, высокий дядька, с длинными руками, с широкими ладонями, он держал их вывернутыми вперед. Глаза широко раскрыты, и рот тоже. Этот человек стоял у лестницы, но человеком он уже совсем не был. Наверное, это первый шаг. Заразился и теперь потихонечку превращается. Как все остальные.

Если я сейчас выстрелю в него, остальные накинута. И пусть они даже не вполонину такие быстрые, как летом, но нам хватит. Егор перепугается и начнет стрелять. Пространство закрытое, пойдут рикошеты...

Надо думать.

– Иди ко мне, – сказал я.

– Не могу... – ответил Егор.

– Ко мне! – уже приказал я.

– Не могу!

Я прицелился ему в лоб.

– Если ты сейчас не оторвешься с этой трубы, я тебя просто пристрелю!

Егор закрыл глаза. И начал медленно подниматься.

Сумраки развернулись. Все, кто стоял мордой в стену, повернулись к нему, Егор тут же сел. Примерно этого я и ожидал. Похоже на паутину. Стоит одной ниточке дернуться, как выскакивает голодный хозяин.

Я шагнул к Егору. Осторожно, стараясь не делать резких движений.

Еще шаг. Теперь я стоял уже напротив этого дурня. Сумраки собирались вокруг, в мраке подвала, едва освещаемом слабым огоньком лампы, колыхались их мутные туловища.

– Слушай внимательно.

Я старался говорить спокойным, самым обычным голосом, Егор и так был здорово напуган, гладил пальцем штык. И что он сюда вперся? Как вот с такими соплями дела делать? Ладно, поживем, поглядим.

– Дай винтовку.

Я поймал за ствол штурмовик, потянул к себе. Егор не отпускал.

– Отпусти, – прошипел я.

Егор разжал пальцы. Я взял винтовку. Они были почти рядом, вряд ли больше метра, вокруг, подрагивали еле заметно. Нет, все-таки редкостная мерзость, особенно эти их суставы... И сразу так много их, пять. А подвал большой, наверное, ведь и еще есть, другие.

– Надо все делать быстро, – сказал я. – Очень. Я посчитаю до трех, после чего выстрелю в того, что за спиной. Его отшвырнет, и ты рванешь к лестнице.

– Но там...

– Ты рванешь к лестнице. О том я позабочусь. Твое дело выскочить наружу. Ясно?

– Да. А ты?

– Я выйду вторым. Готов?

– Да.

– Раз.

Я начал поворачиваться. Карабин я держал справа, под мышкой. Винтовку в левой.

– Два.

Я упер карабин в ребристую, с морщинистыми кожными складками грудь.

– Три.

Выстрел. Тяжелая пуля швырнула сумрака на стену, пробила в ребрах дыру. Егор тут же кинулся в освободившееся пространство, я перекинул карабин за спину, переложил винтовку

из левой в правую, выстрелил поверх головы Егора в тварь у лестницы. Попал, само собой. Сумрака развернуло, и Егор успел проскочить.

Меня тут же сбили с ног, но я и не собирался бороться с ними стоя. Перекатился на спину. Ткнул ствол винтовки в первое же вражеское колено. Очередь! Мосол разлетелся в лохмотья, сумрак завалился, я перекатился еще и выстрелил в другого. На этот раз не в колено, в голень, получилось еще лучше. Крупный калибр раскромсал конечность в костяные осколки, второй сумрак завалился и стал биться на полу.

Я встал на колени, выпустил очередь в нависшую надо мной морду. Брызнуло горячим, на меня обрушилось тяжелое мертвое туловище, прижало к полу, карбидка погасла.

Сбросил дергающуюся тушу, отполз к батарее, прижался спиной, стал лупить направо-налево.

Штурмовик работал надежно и кучно, мне нравилось. Движуха пошла со всех сторон, подвал наполнился шорохом и присутствием, я поднялся на ноги и стрелял по сторонам, не целясь, по-московски, длинными очередями. Переменил магазин и снова. Стрелял, смещаясь вдоль стены в сторону лестницы. Хорошо бы спичку, хоть что-то бы видеть... У винтовки отдача не очень сильная, можно и попробовать. Конечно, стрельба с одной руки – это все чушь, нельзя так. Но пришлось. Оружие непослушно заплясало в правой, левой нащупал кошель, коробок, спичку, чиркнул о стену.

Лучше бы не зажигал. Их было много. Я даже считать не стал, наверное, штук двадцать. Со всей округи собрались, твари. Кинулись. Плавными-ломаными движениями. Не все, штуки три.

Я заорал. Справа налево, двух срезал, третий прижал к стене, вдавил локоть в горло, чуть шею не свернул, челюсти хрустнули.

До лестницы совсем близко. Нащупал пистолет, уставил в брюхо, стал стрелять. Сумрак даже не вздрагивал, я выпустил ему в кишки пятнадцать пуль, он отвалился. Успел поменять магазин. Третий, последний, остальные в рюкзаке.

Одним прыжком до лестницы, все. Все, успел. Вбежал на пять ступенек, твари навалились, приблизились все, скопом, запутались в ступенях, заскользили по плесени, я разнес их тремя очередями. Патроны кончились. На лестницу влетел тот, в круглых очках, и я, не размахиваясь, врубил ему в переносицу штык. На всю длину. Лезвие вошло поперек лба и застряло, я выпустил винтовку, она так и осталась у него в башке. Несколько секунд он стоял, ничего не понимая, затем стал выкручивать штык из кости. Я не собирался наблюдать за успехами, достал из подсумка гранату, запустил вниз.

Выбрался наверх, запутался в обеденном зале в табуретках, упал и выполз на улицу уже совершенно на карачках. Солнце вылезло из-за туч окончательно, ослепило, резануло по глазам, чуть слезы не брызнули.

– Сюда! – крикнул Егор.

Граната не взорвалась, такое случается. Я, приволакивая ногу, подбежал к нему.

Егор стоял рядом с крыльцом, нервно грыз ногти, сплевывал их в ладонь.

– Все? – спросил он и ссыпал в карман ногти. – Всех убил?

Я помотал головой. Перезарядился.

– Надо было гранатой...

– Не взорвалась, – объяснил я.

– Надо еще кинуть.

– Пойди кинь.

Егор помотал головой. На пороге сосисочной появился сумрак. Поежился от холода, на туловище у него просматривались дырки от моих пуль, не принесших ему, как видимо, никакого вреда. Он двигался лениво, полусъеженно, увидел и сразу направился к нам. Этот сумрак был перепутан веревками и поперек и наискось, веревки и за ним волоклись, видимо, когда-

то этот человек занимался веревками, веревочником был, или ремнеплетом, хорошее ремесло. Только не вылечить его теперь ничем, хотя нет, есть.

Сумрак заковылял скорее. Я выстрелил.

Карабин. Как же все-таки приятно! Пуля попала сумраку в голову, сумрак свалился вперед и уже не поднялся, так и остался. Будь здоров.

Перезарядил.

И тут же из сосисочной стали вываливать остальные. Много. Грязная толпа, в лохмотьях, в бусах, с блестящими часами на руках, какое счастье, что зима и они медленны, они устремились к нам, похожие на устрашающих сверчков, ночных насекомых, даже с каким-то соответствующим согласным гудением.

Егор поднял обрез, короткоствольный, всего лишь пять патронов, оружие для ближнего боя, оружие для боя почти в упор. Егор прицелился и тут же выстрелил, конечно, промазал и крикнул:

– Бежим! Бежим!

Сумраки умеют это – внушать страх. Один раз увидишь – и потом каждый раз пот по загривку, это и я почувствовал. Егор пальнул еще раз, и снова промазал и рванул, я едва успел поймать.

– Бежим!

– Не сейчас, – сказал я по возможности спокойно. – Мы их перебить собирались.

Я выстрелил.

Сумраки приближались. Я решил остановить всех, надоели они мне, ходят здесь туда-сюда, последних людей пугают. Сожрать меня пытались, изломали всего. Курка убили. Пожалуй, из всей погани я ненавижу их больше всего.

До того, как они приблизились на опасное расстояние, я успел уложить еще двух. Егор тоже стрелял. Три раза, все три раза мимо. Попробовал перезарядить, рассыпал патроны.

– Бежим! Бежим!

Он не выдержал, прыснул в сторону проулка.

Сумраки приближались. Вступать с ними в рукопашную я не собирался, времени на перезарядку не оставалось, поспешил за Егором.

Он забыл про проход вдоль стены и продирался напрямик через колючие заросли и грузовики, ругаясь и всхлипывая. Нет, надо еще учить и учить, слишком уж легко утрачивает равновесие, такие долго не живут. Надо начать за ноги подвешивать, это чрезвычайно укрепляет самообладание. Повисишь пару часиков вниз башкой на шестнадцатом этаже – и успокаиваешься. Начинаешь смотреть на мир по-другому. На бревне еще хорошо стоять, Гомер любил это упражнение. Вкапывается бревно, не очень высокое, метров в десять. Вертикально. Человек забирается на бревно и стоит на торце сколько сможет. Развивает терпение и равновесие, нельзя ни двигаться слишком сильно, ни стоять абсолютно неподвижно. Сначала подвешу его, потом на бревно.

Я сделал несколько шагов вдоль стены, зарядил карабин. Сумраки уже пытались прорваться через кусты, я пристрелил еще одного.

Хлопнула крышка люка, этот дурак забрался в танк. Если совсем одуреет и закроется, не выкурить, нет, определенно на столб его надо выставить.

Протиснулся мимо грузовиков, запрыгнул на танк.

– Егор! Вылезай!

Егор крикнул что-то из-под брони, совсем не слышно. Показались несколько сумраков. Я сидел рядом с пушкой. Сумраки пробирались через кусты и через грузовики, я отстрелил еще две штуки, и тут показался быстрый.

Он влетел на кабину грузовика, ударил лапами по крыше, и железо продавилось. Быстрый. Не до невидимости, но раза в два быстрее, чем я мог отследить. Я прицелился, выстре-

лил и попал в пустоту, и тут же сумрак плюхнулся на меня. Боднул, ударил кулаком в грудь и вышиб дыхание, отшвырнул карабин и впился зубами в плечевой щиток и тут же схватил меня под мышки, подпернул вверх и ударил спиной о железо. И головой тоже.

И еще раз. Со второго раза у меня звезды в глазах завертелись, крупные, с лапками и хвостиками, и внутри опять что-то треснуло, в районе позвоночника. Сумрак собирался продолжить, и сил мне достало только на то, чтобы вытащить нож, а вогнать его между ребрами уже нет, не получилось.

Наверное, с третьего раза он вышиб бы из меня сознание. Вырваться из этих лап не получалось, я попробовал пнуть тварь коленом в живот, с таким же успехом я мог бы пинать водокачку. Я приготовился к удару, стараясь привести мышцы в полурасслабленное положение, успел увидеть равнодушные сумрачные глаза...

Над ухом грохнуло. Сумрак обмяк и повис на моих плечах. Показался Егор, толкнул погань в сторону. Схватил меня за шиворот и втащил в люк, вниз головой, я ударился сразу о множество острых углов, больно.

Егор захлопнул крышку люка.

Я лежал, уткнувшись головой в холодное железо, задрал ноги. В танке оказалось тесновато. Полежал маленько и вывернулся, сел. Повезло. Отбрыкались. Если бы не холод, если бы сумраки оставались в силе и не тормозили... Так легко не отделались бы. Отец Егора не дурак, защищал территорию в мороз.

Теперь бы из танка выбраться.

– Не переживай, тут все есть, – сказал Егор.

– Что есть?

– Все, что надо. Отец после того сидения тут запасы оставил. Вода, еда, свечи. Даже книжки есть, чтобы читать и не умереть от скуки. Оружие с патронами, запасы небольшие, но все-таки достаточные для обороны.

– Мудро, – оценил я.

На самом деле, мудро, я мудрость люблю, когда она настоящая. Вон Гомер, сколько раз мне велел в прикладе три заряда запасных держать – мудро ведь, сколько раз жизнь мне спасало!

– У нас тут везде нычки. В разных местах. Отец хотел распространить зону безопасности, почти в каждом доме можно отсидеться неделю-другую.

Егор зажег свечу. Действительно. Бутылки, коробки, пластиковые ведерки. Наверное, при желании можно не две недели, а целый месяц просидеть, а то и больше. Даже вдвоем. Хотя вдвоем сложно, одному еще кое-как можно было пристроиться и спать на боку, вдвоем придется сидеть. Хорошо хоть стульчики припасены.

Устроились в этих сиденьях и стали смотреть на свечу.

Я люблю свечи, от них успокаиваешься. От запаха, от равномерного потрескивания, от света. Жаль, что Егор и его папаня почти все свечные запасы спалили, осталось мало, ящика три, теперь зажигаем по одной штуке по вечерам, смотрим на нее. У Егора в слоне и особые свечи есть, праздничные, в виде елок, в виде цветков, в виде сказочных существ, он их не решает зажигать, бережет для праздника. Я спрашивал, когда должен праздник приключиться, хоть какой-нибудь, но Егор не отвечал, подозреваю, что не знал он ничего про праздники. Но свечи не давал, берег.

По свечке побежал расплавленный воск, я собрал его и стал разминать пальцами, приятное вещество.

– И что дальше будем делать? – спросил я.

– Ничего. Посидим немного. Морозы ударят, они сразу и разбегутся.

Понятно, подумал я. Не хочет идти на север. Придумывает оправдания. Танк вот подвернулся. Удачно...

Как-то чересчур удачно. А может, он нарочно? Придумал все, поперлись в эту сосисочную... Нет, вряд ли нарочно, не стал бы Егор жизнью рисковать, чуть не сожрали ведь.

– А если морозы не ударят? – спросил я.

– Ударят, – пожал плечами Егор. – Морозы всегда случаются. А сейчас выходить нельзя...

Снаружи по броне ударили, царапнули острым.

– Слышишь?! Это они! Выходить нельзя! Они тут всех выели. Всех, только они одни остались. Никаких других существ. Ты рассказывал про других существ. Про волков, про кенгу... Кенга – это кто?

Зубы заговаривает.

– Кенга – это кто? – повторил Егор.

– Она скачет. Живет в мусоре, как крыса.

– Она крыса?

– Как крыса. Не помню... У нас много было всего, в Рыбинске, под каждым кустом. Мы все думали, что здесь их еще больше...

– Нету здесь ничего. Смешные названия... Это кто придумал?

Я вдруг понял, что названия действительно смешные. Детские какие-то. Волкер, кенга...

– Сами придумались, – сказал я. – Названия всегда придумываются сами по себе. Мутанты мутят, слизни людей слизывают, ну и так далее. Ной ноет. Громко и гадко. Да ну их...

По броне ударили еще.

– Может, гранату кинуть? – предложил я.

– Не, тут никак, – помотал головой Егор. – Люк не открывается на мало, он только совсем, гранату тут никак не подсунуть. А если подсунешь, то обратно вдруг скатится?

Егор вздохнул.

Звуки пошли сразу с нескольких сторон, много их тут собралось, царапщиков. Я оглядел внутренности танка – нет ли какого маленького люка, для гранаты.

– Почитать не хочешь? – спросил Егор. – Тут интересного много.

Егор сунул мне пачку журналов, прошитую толстой ниткой. Журналы разные и действительно интересные. «Мускуляр Депо» – целый журнал, рассказывающий о неимоверно физически развитых людях, причем не только мужчинах, но и женщинах. Я был поражен обилием мускулатуры и не очень понимал, зачем оно такое требуется? Возможно, это были рабочие, занятые на тяжелых должностях, возможно, водопроводчики высшего уровня, не те, которые проводят воду в каждый дом, а те, что добывают ее из подземных глубин и носят на своих плечах огромные толстые трубы. Бойцу такая мускулатура станет скорее мешать, вон Гомер был довольно сухим человеком, наверное, даже меньше меня, а встретиться с ним врукопашную или еще хуже – с оружием в руках никто не хотел бы. Точно, водопроводчики.

«ПСМ», сразу несколько номеров. В журнале рассказывалось о новых образцах стрелкового оружия, о девушках, которые почему-то всегда изображались почти голые, и о мотоциклах. Читать особенно нечего, но картинки мне понравились. Конечно, оружие было тут совсем ни к чему, только все портило, а девушки были нестерпимо красивые, в мотоциклах же я ничего не понимал. Иногда девушки сидели на мотоциклах и держали в руках пистолеты, весьма с бравым видом, иногда они на мотоциклах лежали, точно отдыхая, а на последней странице я прочитал, что «ПСМ» означает «Пушки – Сиськи – Мотоциклы». От просмотра журнала я несколько разозлился, потому что опять стал думать о том, какой мир они изгадили. Оставили нам жалкие руины, в которых мужчины не доживают до двадцати, а женщин вообще мало, и ни одна из тех, что есть, недотягивает до красавицы на мотоцикле.

Разве что Алиса. Правда, я ее в таком образе не видел.

«Футупризма», этот журнал меня тоже удивил, но, скорее, неприятно. В нем помещались короткие истории, видимо, про будущее. Одни истории хорошие, про то, как люди выучились летать к звездам, излечили все болезни и превратили планету в цветущий сад. А другие исто-

рии, наоборот, невеселые. Как Землю протаранил огромный камень из космоса, и она раскололась на несколько частей. Как мир замерз или, напротив, сторел в огне, потому что исчез воздух, а люди перебрались под землю. Про чуму, которая выкосила всех.

Истории были написаны интересно, я стал читать. Свечка прогорела, и Егор тут же зажег другую, а потом прогорела и эта, и Егор не пожадничал и зажег третью.

Я читал. В истории рассказывалось про мир, в который вторглись чудовища. У людей сохранилась вся техника и вся их мощь, но монстры могли появляться в любом месте в любое мгновение, и это сделало бесполезным все существующее оружие, кроме холодного. И люди не могли ни жить, ни что-то делать, потому что в любую секунду могло произойти нападение, все разрушилось, и ничего сделать с этим не получалось. Заканчивалось в том рассказе все плохо. Чудовищ становится все больше и больше, а людей наоборот, и в самом конце несколько уцелевших человек сидят на старом мосту и стараются не уснуть, потому что монстры любят нападать во сне.

А спать хочется.

Зря я прочитал этот рассказ. Мир слишком напоминал наш. Нет, в нашем мире не было чудовищ, появлявшихся ниоткуда. Но ощущение очень похожее возникало. Безднадежности.

Егор тоже читал, то есть листал журналы, а потом зевнул и сказал, что на всякий случай тут есть верблюжьи одеяла. И уснул.

Я потерял глаза и продолжил чтение, никогда не думал, что это интересно. Казалось бы, буквы, строчки. А затягивает... Опять «Футупризму», рассказ про пришельца. Как он летел на своем корабле через космос, как корабль испортился и пришелец упал на планету, где жили отсталые люди. И пришельцу пришлось подстраиваться под жизнь местных, разводить свиней, работать в каком-то колхозе и с горя пить, потому что, по его подсчетам, техника, которая могла помочь ему вернуться домой, должна была появиться здесь лишь через пятьсот лет.

Грустный и очень уютный рассказ, как раз для танка. Вообще в танке оказалось, в общем-то, неплохо. Только тесно и снаружи скребутся. А еще я думал, что на две недели у нас свечек, пожалуй, не хватит. Большую часть времени придется сидеть в темноте.

Впрочем, все получилось совсем по-другому. Просидели мы только до утра. В восемь зазвонил будильник. Егор начал жадничать и сказал, что день мы станем проводить в темноте и лишь вечером освещать помещение. А сейчас нечего тратить свет попусту, позавтракать можно и в темноте, тут есть отличная сушеная кукуруза, его отец добывал ее из банок, пережевывание сушеной кукурузы сильно ухудшает аппетит. Едва мы начали пережевывать зерна, как в броню стали стучать. Егор затрясся и зажег целых две свечи, но я его успокоил – звук снаружи доносился совсем другого качества, спокойный, с одинаковыми промежутками.

Я сразу догадался, попытался открыть люк, Егор стал уговаривать меня посидеть еще, как следует послушать, бросить гранату, но я уже сдвинул рычаг, надавил на усилитель и сдвинул в сторону бронированную плиту.

Я выбрался на неприятную холодную броню, огляделся.

Сумраков видно не было. Во всяком случае, целых. Успел заметить некоторые обрывки, они валялись то тут, то там. Алиса сидела на капоте грузовика, разглядывала янтарное ожерелье. Я помахал ей рукой, она мне не ответила.

Показался Егор, поежился, высморкался. Алисе кивнул. Увидел обломки сумраков, кивнул еще.

– Хорошо бы ее это... Как-то упорядочить.

– Что значит упорядочить? – не понял я.

– Ну, она ведь здорово убивать умеет, так? Вот и пусть она их всех убивает. Натаскать надо ее.

– Как собаку? – уточнил я.

– Почему как собаку? Собака так не умеет. Как...

Егор потер затылок.

– Как... Ну, не знаю. Крушилку? Это же очень удобно...

– Пойдем в слона, крушилка. Завтра... Нет, послезавтра выдвигаемся.

– Ясно. Спасибо тебе.

– За что? – не понял я.

Егор замялся.

– Ну, за то, что ты жизнь мне спас. Глупо как-то, вляпался два раза подряд. Сначала в затыг, потом к сумракам. Честно, у меня никогда так не бывало...

Не бывало у него! Два раза вляпался, тоже мне, чемпион... Как-то раз мы с Гомером отправились за живицей, так я четыре раза за день влип. И все четыре раза Гомер меня спасал. И по шее, и по шее. И повторял – если ты кого-нибудь спасаешь, то ты принимаешь ответственность за его судьбу, так-то. А я этого дурня уже два раза выручил, два раза! Это что же получается, теперь мне его всю жизнь спасать?

Мрак.

И никуда от этого не деться. Человек, если он человек, спасает другого человека – другого выбора нет.

Да уж...

Глава 4

Модель мира

- Дэв! Ты не спишь?
- Уже не сплю.
- Хорошо... Алиса опять на столб, кажется, залезла.
- Ну, залезла...
- Скажи ей, пусть не залазит.
- Сам скажи.
- Она меня не слушает.
- Меня тоже.
- Она нас демаскирует.

Это точно. Стоит слон, рядом столб, на столбе Алиса. Если бы я такое увидел, то наверняка что-то заподозрил бы.

– Каждое утро вылезает, каждое утро... – ворчал Егор. – Если она так и дальше вылезать будет...

- Ладно, я с ней поговорю... Слушай, какая разница, мы ведь уходим сегодня.
- Уходим... Это не значит, что спозаранку на столб надо влезать, нам здесь жить еще.
- Спи лучше, – посоветовал я. – Еще рано.

Егор зевнул и принялся ворочаться. Я смотрел в потолок. Спина ныла. Кости срослись, мясо затянулось, и выросла кожа. Боль осталась. И хромота. Она отпускала, но как-то чересчур медленно, наверное, так и должно быть – на людях медленно заживает, люди не собаки, не волкеры поганые.

- А мой прадедушка был оператором, – похвастался вдруг Егор.
- Кем? – не расслышал я.
- Оператором. Дельта-оператором!
- О.

Я сел, сон развеялся. Дельта-оператор. Какая наследственность.

– Наши предки работали в телецентре, – стал рассказывать Егор. – Давным-давно, до Воды. И жили там же, рядом где-то. Они были приличными людьми.

– Это как?

– Не знаю. Приличными, это точно. Руководили там всем... Папка говорил, что его дед видел самого...

- А это правда? – перебил я.
- Что?

– Про телецентр. Мы туда собираемся идти, потому что отец твой рассказал мне про кнопку. Вот я и хочу спросить – это правда?

Егор замолчал. Надолго. Думал. Соврать или нет.

– Наверное, правда. У нас все говорили про эту кнопку, я помню. Даже дедушка. Нажать кнопку – и все прекратится.

– С чего это вдруг?

Егор пожал плечами.

– Никто не знал, с чего это вдруг. Просто считалось, что так оно и есть. Нажали кнопку – все началось, отжали – все закончилось. Свет померк, свет зажегся. А как и почему... Папка только предполагал, почему это все произошло. Но про кнопку это правда. Я верю.

– Она на телецентре? – спросил я.

– Нет, – помотал головой Егор. – Где она, неизвестно. Только в телецентре можно это узнать. Раньше все важные события на видеокамеры записывали, ну, ты читал руководства.

– Читал.

– Все-все события. А мир не совсем развалился, не в одну секунду. Это постепенно все происходило, в несколько заходов. И в телецентре можно поглядеть, как. А еще...

– Что?

– Ничего. Папка туда давно собирался. Только он говорил, что просто так соваться не стоит, надо серьезными силами, с хорошей подготовкой...

– Сил у нас хоть отбавляй. Я лично готов через край.

Егор покосился на костыль.

– Ерунда, – отмахнулся я. – В прошлом году я вообще на одной ноге три месяца прыгал, и ничего. На боеспособность ничуть не повлияло. Стреляю-то я не ногами.

– Верно... Вчера огни опять, кстати, были.

Егор свесился с верхней полки. Рожа у него была опухшая, под глазами мешки. Оттого, что в шлеме спит. Я ему сколько раз говорил, а он все упорствует, в шлеме и в шлеме, это фобия такая, я сам долго от шлема отвыкал. А закопаться куда-нибудь до сих пор хочется, и ходить я могу только вдоль стен.

– Огни на севере, – сказал Егор. – Это к чему?

– К хорошей погоде, – ответил я. – Просто такие атмосферные явления, не обращай внимания.

Откуда я знаю, что там за огни в небе? Мало ли какая дрянь. Moscow Inferno, что означает московский ад, а в аду не стоит искать смысла, в аду оно все само по себе и кое-как, это его от небес и отличает. На небесах все по порядку, правильными четырехугольниками, тихо, чисто и спокойно.

– Слышь, Дэв, а ты вот это... – Егор неопределенно кивнул. – Когда ты болел... Ты про праведника какого-то бормотал...

– Ну.

– А кто праведник-то?

– Праведник...

Кто праведник?

Наверное, это из-за смерти. Она меняет людей, причем здорово. Тот, кто хоть раз плотно посидел с ней в обнимку на скамейке, прежним не остается. Взрослеет человек. Я вспоминал себя недавнего...

Нет, мне не было за себя стыдно, но талдычить о праведности, верности идеалам и суровости в бою что-то больше не хотелось.

– Праведник – это праведник, – сказал я.

– Это вроде как герой?

– Вроде. Потом как-нибудь объясню. Их не осталось сейчас, все вымерли.

– Ни одного?

– Ни одного. Слезай давай, все равно не спишь, печь затопи.

Егор зевнул, свесился с койки, спрыгнул на пол. Ловко, попал ногами сразу в валенки, подошел к печке. Забил дровами, плеснул зажигайкой, чиркнул спичкой, уселся на плиту, греться. Застучал зубами.

Холодно.

В подземном магазине видел хороший спальник, на пуху древних птиц, водившихся на Северном полюсе, не взял сразу, потом забыл с этим затыгом, сейчас уже не хочется возвращаться. Года три назад у меня был такой, только малинового цвета. Я мог зарываться под землю в этом спальнике, и когда почва смерзлась надо мной в непробиваемую коросту, я видел теплые сны. И Папа мурчал рядом, а потом его лемминги сожрали. Спальник то есть.

И теперь у меня не было ни спальника, ни Папы, зато была цель. И термическое одеяло. У Егора тоже, и для Алисы есть, но она им не пользуется пока, сняли их с трупов на восьмом этаже, недалеко тут, четыре штуки, одно дырявое. Одеяла ничего. Хоть и потертые, а греют.

Егор предлагает перезимовать здесь, в слоне. Зима длится четыре месяца, недолго. Запасемся провизией и дровами, на крыше есть снегосборник, а под ним проходит труба, снег тает и собирается в бочку, вода есть всегда...

Я представил, как мы будем тут жить. В замкнутом пространстве четыре месяца. Я буду играть с Егором в шашки, на улице станет завывать ветер, в январе бронзовые стены затрещат от мороза, а в апреле по ним застучит капель. А Алиса будет сидеть возле печки, смотреть в стену, а на ночь забираться наверх, на чердак. А крыса, эта безымянная крыса Алисы, она приучится носиться по слоновьему нутру, грызть припасы и заползать на грудь по ночам.

Неплохо. Но не хочется ждать. Четыре месяца. Хочется узнать поскорее. Любопытство, любопытство.

А еще Егор предлагал мне вернуться. На Варшавскую, к людям. Ему очень хотелось к людям. А мне вот нет. Я понял, что к людям я не хочу, мне и так хорошо. Одному. Делай что хочешь, иди куда хочешь, и никто над тобой не начальствует, не дышит требовательно за ухом.

В слоне было неплохо, очень неплохо, да и организм у меня еще побаливал... Поэтому я решил отправиться в телецентр прямо сейчас, не откладывая.

Телецентр. Тут, собственно, недалеко, несколько километров. Хотя у нас километрами расстояние редко меряют, днями удобнее. Это в стародавности люди могли за день вокруг света обернуться, у нас за день иногда улицу не могут перейти. В вещах Старшего были все нужные описания. И проложенный по карте маршрут. Так что оставалось только сделать первый шаг.

Плита постепенно разогревалась, и Егор подпрыгивал на ней, но слезать не собирался, старался отхватить побольше тепла от чугуна. Я налил в чайник воды, поставил на конфорку, отодвинул Егора.

– Хватит задницу поджаривать, – сказал я. – Давай лучше собирайся.

– Надо чаю хотя бы...

– Чаю выпьешь послезавтра.

Чай – это дело почти святое, редкий продукт, выпили весь. На Варшавской какой-то мох красный заваривают, мы в Рыбинске листом смородиновым ограничивались, а у нас с Егором с чаем порядок, в подземном магазине целый отдел. И на складе еще мешки. Причем чай не какой-нибудь там рассыпчатый, в чашках или в пакетиках, а самый ценный, плиточный. Прессованный, вязкий, смолянистый, прежде чем заваривать, надо на терке натереть. Зато вкусный. И бодрит так, как ни один другой, настроение улучшает. Поэтому пьем его при любой возможности.

Егор пробурчал недовольное и полез на свою полку. Вниз свалился большой походный рюкзак со специальными пластинами, распределявшими нагрузку по всей спине. С громким звуком упали грубовязанные носки, затем посыпались портянки, затем кульки, бутылки с водой, еще что-то. Затем Егор достал несколько винтовок и пистолетов, ружейные принадлежности, тряпки и принялся с раздраженным кляцаньем чистить оружие.

Я не стал наблюдать за ним, уже не маленький, сам разберется, занялся собиранием своего рюкзака.

Все принадлежности для карабина, от зарядов до пулелейки. Моток веревки. Леску, две катушки. Макароны, крупу, длинные консервы, одежду запасную. Кое-какие лекарства, оставшиеся еще с Варшавской. Готовился, как всегда к походу, тщательно. Оружие себе выбрал. Винтовок у Егора было много, но хороших осталось совсем чуть, последние две мы истратили в бессмысленной битве с сумраками, небогатый выбор. Перебирал старые железки почти полчаса, ничего хорошего, остановился на полусамодельном аппарате, с громоздким дульным

гасителем и дополнительным магазином сбоку. Механизм не сильно изношен, я испытал оружие проверочным патроном, на пятнадцать выстрелов ни одной осечки. Пойдет кое-как.

Егор тоже определился, автомат мелкого калибра, без приклада, без оптического прицела, чтобы, значит, полегче таскать. Я взял его плюкалку, зашвырнул наверх.

– Ты чего?!

– Не то выбрал. В походе все патроны должны быть одного калибра, так удобнее.

– Ладно.

Егор продолжил копаться в оружии. Я принялся подгонять броню. За последнее время я немного поправился. От лежачего образа жизни, от рисовой каши с кукурузовым маслом, от сонности. Организм работает как часы, едва появилась возможность, он начал стремительно запасать жиры. Хорошо, жиры нам пригодятся. Егор, к сожалению, совсем худой, такие, как он, любят жрать и плохо держат голодание, пара дней – и начинают сыпаться в обмороки. Придется взять пару бутылок масла, буду заставлять пить его на ночь по три глотка. Это полезно – пьешь на ночь масло, и организм переваривает его, а не мышцы.

Егору очень скоро надоело копаться в пушках, и он выбрал винтовку той же модели, что и у меня. Затем он полез вниз, в трюм, в слоновье брюхо. Почти сразу вернулся с походными валенками, толстыми, но без подошвы. С небольшим ящиком. С радиоприемником, я его узнал.

Походные валенки – хорошая идея, я тоже возьму. Радиоприемник...

У Петра на Варшавской тоже имелись приемники. Все нерабочие. Вернее, они работали, полыхали изнутри равномерным светом, жужжали и трещали, однако никаких звуков не производили. Петр объяснял – это оттого, что в воздухе не осталось электричества. Раньше песни и все остальное записывали на электричество и выпускали в воздух, эти записи давным-давно рассеялись и улетели в космос. Теперь наш воздух был пуст, и даже те немногочисленные приемники, которые еще сохраняли силу, не могли ничего принять.

– Зачем приемник? – спросил я.

– Дедушка считал, что на Вышке есть вечный передатчик, который работает от солнца и передает старые песни.

– Зачем тебе старые песни?

– Хочу услышать. Дедушка пел, а я забыл их. Хочу вспомнить.

– А это что? – я кивнул на ящик.

Красный жестяной ящик с белой каемкой.

– Это так... Будильники.

– Будильники?

– Ну да. Мы все собирали. Дед, папка. С каждым будильником какая-то история связана. Вот этот...

Егор пустился в рассказывание историй, я слушал. Рассказы – это хорошо, они увеличивают объем мира. Оказывается, в роду Егора были не только дельта-операторы, но в самом дальнем времени еще и часовые мастера, это не наверняка, но каждый из мужчин в его роду испытывал к будильникам приязнь.

Егор вытряхнул на стол будильники. Разные. Блестящие, с колокольцами, железные, с разными цифрами. Штук двадцать всяких цветов и размеров.

– Будильник – редкая вещь, сейчас почти не встречается, а раньше в любом доме можно было найти. И у каждого своя история. Допустим, вот этот, красный, с царапиной. Его...

Его прадед подарил прабабушке, и во время их первого ужина будильник пел им свадебные песни. Вот этот разбудил его деда за секунду до того, как ему в горло впился подкравшийся мрец, третий был сломан, но неожиданно зазвонил вместе с первым криком Егора.

– А нам-то они зачем?

– Я же говорю, традиция... Будильники – это здорово. Вот смотри, отец мне еще показал. Модель мира.

Егор выставил на узкий стол часовой аппарат. Старинный такой, с медными деталями, подышал на полированный стальной корпус, протер тряпкой. Я спросил, в чем же тут модель, Егор поддел заднюю крышку, снял и вынул золотистую шестеренку, сунул мне под нос. Шестеренка как шестеренка, один зубец только обломан.

– Раньше мир был равномерный, – сказал Егор, взводя пружину ушастым ключом. – Существовал себе и существовал, хотя иногда что-то неприятное все-таки происходило. Вот так примерно.

Егор вставил в будильник шестеренку, запустил. Будильник затикал, секундная стрелка побежала по циферблату...

Вдруг будильник подпрыгнул. Дернулся, звякнул, так что даже я вздрогнул. Егор улыбнулся. Секундная стрелка описала еще несколько кругов, будильник снова подпрыгнул. После чего Егор будильник остановил, шестеренку вынул и убрал в ящик, а мне показал другую.

На этой шестеренке отсутствовало уже больше половины зубцов, некоторые были расплющены, другие загнуты, а третьи и вообще вырваны. Егор вставил искалеченную шестеренку, завел пружину. Отпустил.

Некоторое время машинка тикала нормально, потом... Второй вдруг был гораздо сильнее первого. Будильник не просто подпрыгнул, но еще и завизжал латунью, затрясся в механическом припадке, упал набок и пополз. Не забывая подпрыгивать и дрыгаться.

– И что? – спросил я. – Что вот это все означает?

– Небесная механика испортилась, – пояснил Егор. – Все рано или поздно ломается, ничего не поделаешь. Раньше мир подпрыгивал редко, а теперь он в покое редко находится. То подпрыгивает, то кувыркается, то трясется.

Егор остановил будильник, выковырнул шестерню, почесал ею за ухом и сказал, что выводы тут простые – не стоит удивляться неожиданностям. Раньше всякие вдруг были исключением, теперь, наоборот, – норма.

Он, оказывается, не только механик, он еще и мыслитель. Молодец. Вообще мне понравился этот ящик, и то, что в будильниках традиция, и вообще.

– Будильник – он символизирует, – пояснил Егор.

– Что?

– Символизирует. То есть вот через простые вещи объясняет сложное, так папка учил. Ясно?

– Ясно.

Хорошее слово, из старых, не надо их забывать.

– Раньше люди очень много будильников придумывали, – рассказывал Егор. – На все случаи жизни. Считалось, что тиканье на сердце полезно влияет, ритм в ритм. Мы их много лет собираем, всей семьей. Вот смотри, этот я нашел.

Егор выставил на стол совершенно обычные часы. Серого цвета, циферблат потертый. Завел, установил время.

– Самое интересное в том, что с виду нельзя сказать, на что каждый способен. Гляди.

Егор завел часы, подкрутил стрелки.

– Сейчас, полторы секунды...

Будильник звякнул и расхохотался. Расхохотался совсем по-человечески, как будто там, под стальной кожурой сидел маленький злобный мужичок. Будильник хихикал, прихихатывал, веселился на разные лады, так что мне тоже захотелось посмеяться. Но завод кончился.

Егор поглядел на меня вопросительно.

– Впечатляет, – признался я. – А это что... символизирует?

– Не знаю... Наверное, ничего. Просто сделан для веселья.

Егор завел следующий, зеленый, с шишками вместо колокольчиков, он затишал неожиданно громко.

– Это мой любимый, – Егор улыбнулся. – Произведение искусства.

Я видел такие часы, с кукушкой. Правда, большие.

– Смотри, сейчас.

Стрелки сдвинулись, пришло время кукукать.

– Ку-ку, – сказал будильник.

Сверху раскрылась дверка, и показался волк. Он раззявил пасть и снова произнес без особого воодушевления:

– Ку-ку.

Я как-то разочаровался, но оказалось, что это еще не все, неожиданно в механизме что-тобрякнуло, сбоку, совсем в другом месте с лязгом распахнулся лючок, и на длинной пружине с диким криком и лязгом вылетел клоун с косой. Я подпрыгнул. Я ожидал чего-то подобного, но клоун меня испугал. Представил, как дети, которым дарили такой будильник, начинали заикаться.

– Как? – спросил довольный Егор.

– Прекрасная вещь. У тебя когда мама беременная была, наверное, с этим игралась.

Егор надулся, отобрал пугательный будильник, спрятал в ящик. А мне и этот дурацкий понравился в общем-то. В моем детстве таких не было, что очень жаль.

– Раньше встречались будильники, которые могли по двести лет идти, – сказал Егор с завистью. – Вот так вот...

Странное чувство кольнуло меня, показалось, что я это уже где-то слышал – про вечные будильники. Которые заведены на двести лет вперед, и пружины их настроены, и в один момент они оживут, и над миром, в котором не осталось человека, поплывет звон.

– Но у меня таких нет. Отец искал, но бесполезно. Зато вот это есть. Это я сам придумал.

Синенькие, совершенно одинаковые, без колокольцев, но с выпуклыми задними крышками.

– Эти что делают? – поинтересовался я.

– Это бомбы, – негромко ответил Егор. – Там пластик и детонатор. Можно на целые сутки установить, до минуты. Будут тикать, потом взорвутся. Стену только так снесет.

– Зачем такой будильник нужен? Бесполезная штука.

– Для разного можно приспособить. Вот смотри...

Мне почему-то вдруг перехотелось слышать, на что сгодится смертельный будильник, наверняка у него есть целая куча применений. Наверняка с его помощью очень легко убивать.

– Что символизирует? – спросил я. – Что мир полетит к чертям?

Егор хихикнул.

– Замедленная бомба просто. Устанавливаешь стрелки, они тикают, а ты удираешь, ничего не символизирует.

– Это ты зря. Символизирует. Ладно.

Я закинул рюкзак за плечо, поднял новый костыль.

– Будильники – это хорошо, – сказал я. – Я уверен, что в будущей жизни – если она приключится, конечно, уверен, что они займут достойное место. А нам пора.

Маятник качнется, стрелки сдвинутся и побегут, побегут. Будет подпрыгивать, не будет подпрыгивать, но едва часы пробьют урочный час, все и случится. Взрыв.

Вот что будет.

Посмотрел на будильник. На тот, смешливый, хи-хи, ха-ха.

– Через полчаса выходим, – сказал я. – Север нас ждет, падем в его студеные объятия.

Егор вздохнул.

Глава 5

Лунные тени

– Дэв!

– Ну что?!

Я обернулся.

Егор стоял посреди дороги и глядел вбок. В переулок.

– Что там?

– Посмотри...

Я вернулся. Даже не переулок, так, проход между домами. Метрах в сорока от нас, ближе к правой стене стоял сумрак.

– Замерз? – спросил я.

– Не знаю... Может.

– Дай карабин.

Егор передал мне оружие. С неохотой. Что неудивительно, к хорошему привыкаешь быстро.

Я прицелился. Выстрелил в ногу.

Сумрак упал с громким костяным звуком.

Егор стал перезаряжать оружие.

Я направился к поганцу. Дохлый и бессмысленный. Без головы.

Огляделся. Головы не было. И вокруг она не валялась. Подоспел Егор.

– Наверное, другие сожрали, – предположил Егор. – Они жрут друг друга, ты же знаешь... Знаю.

– Почему остальное тогда не сожрали? – спросил я.

– Не успели, может... Смотри...

Еще сумраки. Дальше, рядом со стеной. Не совсем сумраки, их части. Лапы. Без туловищ. И наоборот.

– А где остальное? – спросил Егор.

– Кто есть хуже сумрака?

Егор пожал плечами.

– Нету, – сказал он. – Мы не знаем. Тут есть подземный водоем, там медузы жили... Медузы – это ерунда...

– Кто-то их убил, – сказал я. – Сумрачников этих. Посмотри на срезы. Руки-ноги не оторвали, а отрезали. Ровно и чисто. Аккуратно.

– И что? – спросил Егор.

– Ничего. Похоже на жнеца.

Похоже. Только раньше жнецы за мертвечиной не особо гонялись, они на нас, на людей в основном охотились. Хотя тут все меняется каждый день...

– Они сюда добираются? – спросил я.

– Кто?

– Жнецы. Такие.

Я изобразил жнеца. Руками помахал, зубами щелкнул.

– Не, таких нет. Не видел никогда.

– Ясно.

– Что ясно?

– То, что дальше идем.

Егор плюнул. Слюна потекла по стене, застыла.

– А если это Алиса? – спросил он. – Тех, вокруг танка, она же перебила...

– Если Алиса, то надо сказать ей большое спасибо. Но вряд ли это она, слишком уж аккуратно, Алиса замарашка. Да плевать.

На самом деле плевать. Если кто-то рубит в крошку сумраков, то ему только спасибо сказать нужно, нам работы меньше. С другой стороны, этот кто-то вполне может и на нас свое внимание обратить. Мы по сравнению с сумраками вообще беззащитны...

Ладно, поглядим.

– Вперед, – приказал я, и мы двинулись вперед.

Довольно долго мы пробирались через кашу стертого города. Что случилось здесь, было совсем непонятно, дома стояли почти все разрушенные, земля корежилась и проваливалась, улицы смешались, скашиваясь то вправо, то влево, прыгали вверх и вниз, в этом месте город хорошенько протрясла бешеная пляска. Егор предположил, что сюда кинули бомбу или под землей взорвалась бомба, а что, похоже на правду. Раньше много бомб запасли и прятали их под землей всегда, чтобы врагу недоступно было. Бомбы взрываются, на то они и бомбы.

Егор шагал спокойно, недовольно-прогулочным шагом. Что-то в нем побрякивало, то ли в самом, то ли в снаряге, но проверять его я не собирался, побрякивает, и ладно, потом поглядим. Я тоже не спешил, да и не мог – не очень-то попрыгаешь с костылем. Алиса мелькала в стенах, впрочем, не приближалась, держалась на удалении.

К темноте добрались до Савеловского вокзала. Тут я уже проходил, не так давно, с Курком. Впрочем, я почти не узнавал местность – тогда, в темноте все выглядело совсем по-другому, а разрушенных и обгоревших домов было не сосчитать, найти тот, в котором жил Предпоследний, в котором нас едва не сожрала сирена, поганая ночная ведьма, и из которого меня едва не прибило горящим роялем, не получилось. Ну и ладно.

Попытался отыскать вход в метро, бесполезно. Вокзал оказался тоже разрушенным, я сверился с картой, и мы с Егором двинулись в сторону Бутырской улицы.

Площадь перед вокзалом выглядела необычно, походила на большой муравейник, сложенный из неимоверного количества старых автомобилей. Тогдашней дурной обезьянней ночью я не заметил этого, сейчас оценил – не меньше двадцати метров, целая железная гора. Видимо, их сгребали сюда со всех окрестных улиц, а то и со всей северной части города, очень много. Мы пустились в обход справа, по узкому промежутку между сплюснутыми машинами и развалинами вокзала. Егор запнулся за кривую трубу, свалился, взбесился, выдрал трубу, швырнул в машины. Лязгнуло.

– Осторожнее, – сказал я. – Тут обезьяны...

– Какие обезьяны? – усмехнулся Егор. – Ты чего, Дэв? Откуда у нас обезьяны?

Я не стал спорить. Обезьяны нас едва не сожрали, а теперь их и нет совсем, вроде. Под землю ушли. Или на юг, это ведь вполне могли быть бродячие обезьяны, летом, вытесненные из лесов жарой и дымом, ввалились в город через какой-нибудь туннель, а нам не повезло, мы с ними пересеклись...

Воняли они здорово.

Выбрались на Бутырскую, никаких обезьян. И хорошо, драться с ловкими тварями, которые к тому же метко швыряются камнями и обрезками железа, мне совсем не хотелось.

Егор сверился с картой.

– Тут уже недалеко, – сказал он. – Скоро должен спуск начаться, а переночевать можно...

Егор принялся изучать пометки на полях, морщить нос.

– Тут где-то с полкилометра, на той стороне. Папка там ночевал, ему понравилось.

– Хорошо.

Перебрались через улицу, двинулись вдоль стен.

Это была одна из сотен улиц, которые я видел в своей жизни, девятиэтажные, двенадцатиэтажные и шестнадцатиэтажные дома, они уродливо возвышались по обе стороны, первые

этажи разграблены, вторые выжжены, ни одного целого стекла, улица Бутырская – самая скучная улица в мире, хотел бы здесь жить. В скучном доме, вон в том сером облезлом доме на восьмом этаже с балконом.

Егор вертел головой, сверялся с картой и с записками, но нужный дом не проявлялся, и я думал, не пора ли найти что-нибудь другое, поближе и поспокойнее...

– Вон, – указал Егор пальцем, – вот этот.

Необычно. В доме всего пять уровней, не больше, по сравнению с остальными он казался просто карликом. И тощий еще какой-то, совсем старинной постройки, по бокам у него торчали странные выпуклые башенки непонятного назначения, дом мне понравился. В нем чувствовался мир.

– Папка продвинулся еще чуть-чуть, к северу, – сказал Егор. – До станции метро, там он наткнулся на непонятное... На четвертом этаже здесь комната без окна, там спокойно...

Вход был завален мусором, и вокруг мусора много скопилось, по нему мы легко взобрались на второй этаж, пробрались внутрь. Мне показалось, что этот дом строили для детей – настолько узкие коридорчики, маленькие двери и вообще все совсем миниатюрное, что мы, люди, в общем-то, не богатырских размеров, и то протискивались с трудом, кроме того, за годы запустения в коридоре, как это водится, скопился хлам, и до нужной комнаты мы пробирались почти по колено.

– Ключ...

Егор сунул руку за косяк двери, пошарил. Ключ оказался там, дверь не открывалась, я отогнал Егора, плеснул в замок масло. Подождали минут пять. Замок оттаял, вошли, в лицо кинулась пыль, и почти с минуту мы не дышали. Я зажег карбидку, прибавил яркости.

– Ого... – прошептал Егор, когда пыль осела.

Прямо на нас смотрел со стены мужчина. В синем выцветшем пиджаке, в шляпе, с ружьем. У ног его лежала тонконогая и длинномордая собака, а на поясе висели дохлые длинногорлые птицы. Мужчина выглядел кругло и внушал уверенность, такую картину я бы в своем будущем доме вполне повесил, человек, собака, дичь.

На правой стене висело море. Оно выглядело мощным и настоящим, глубоким, исполненным пробивающегося света, волны взлетали до неба, и в этих волнах барахтался корабль с оборвавшимся парусом, беспомощный и бессильный. Отличная картина, тревожная, но, с другой стороны, наполненная величием, стихия врывается в эту небольшую комнатку, небольшой огонек лампы на моем шлеме вызывал в глубинах моря ответный свет.

На левой картина висела не очень хорошая. Скрюченный старикашка в белой пижаме, он сидел в обширном бордовом кресле и смотрел. Больше он ничего не делал, только смотрел, и этого было вполне достаточно – взгляд находил тебя в любом месте комнаты, я проверил, нарочно сместился туда-сюда, все равно взгляд приклеивался и не отпускаял.

– Галерея, – сказал Егор. – Когда картины висят – галерея называется.

Он подошел к морю и стал карябать полотно ногтем, хотел проверить – не фотография ли? Я закрыл дверь, оставил ключ в замке. На полу, справа от двери стоял толстый деревянный брус, а на стенах имелись специальные скобы. Засов. Надежно. Конечно, если сирена какая начнет ломиться, эта дверь вряд ли выдержит...

К черту.

Кроме картин, мебели никакой, но мы неплохо устроились на полу, напротив Егора буря, напротив меня старикашка. Попили воды, погрызли сухари, масла глотнули, посидели скучно молча. Лично мне чудилось, что старик не так безумен, как выглядит, подслушивает старая сволочь, интересуется. Вообще-то мне, честно говоря, не шибко хотелось останавливаться на ночлег именно здесь. Неподалеку от места прошлого, не очень удачного ночлега. Конечно, сирену мы сожгли... Но это не наверняка. К тому же у нее могли водиться сестрички. Опасно, да, но искать что-то другое хотелось еще меньше, я сделался ленив. Те времена, когда я каждый

день закапывался в землю на полметра, я вспоминал с улыбкой. С другой стороны, я не в Москве жил, а в своем ненаглядном Рыбинске, а там все закапывались, направо-налево, по-другому не выжить было.

Егор почитал перед сном руководство по эксплуатации портативного видеоплеера, посчитал что-то на пальцах, повздыхал о том, что относительно спокойная часть нашего путешествия осталась позади и теперь можно ожидать чего угодно, вздохнул уже тяжело и протяжно, закрыл глаза и захрапел почти сразу, я же не смог уснуть, как ни старался. Что-то не давало покоя, не знаю. Наверное, это из-за старика. Он тоже не спал, смотрел, и даже если я поворачивался к нему спиной, находил меня своими глазками.

Пробовал думать об Алисе. Думал о том, как ей там не страшно одной. Не холодно. Не скучно. Надо ей, конечно, сказать. Чтобы бросала эти свои безобразия. Пусть живет с нами, никуда ведь не годится такое...

Пробовал Гомера вспомнить. Представлял, что бы он мне сказал. Не одобрил бы Гомер мое нынешнее состояние и поведение. Расслабился я, разжирел, размяк, пустила Москва во мне свои необязательные корни. Снял вериги, тропари перестал читать и думать о праведном стал реже. Да за одну Алису он меня не простил бы. Получалось по всему, что я предал его память своими деяниями. Нет, это смерть на меня так подействовала, после смерти человек совсем по-другому на мир смотрит, и поведение у него другое делается, и вообще. Наверное, Гомер со мной сегодняшним не отправился бы в поход.

Мысли эти меня измучили окончательно, сон не цеплялся, если я поворачивался к стене, то сразу начинал думать про Гомера, если отворачивался от стены – чувствовал взгляд этого старого кровопийцы, я пробовал уснуть на спине, но и на спине не получалось, в закрытых глазах танцевали быстрые бордовые сгустки, мешали.

В конце концов я взял карабин, осторожно открыл замок, выглянул в коридор. Лунная ночь, время призраков, синий свет пробивался косыми лезвиями из открытых дверей, не знаю с чего, но мне вдруг захотелось посмотреть, что там, на улице, иногда человека посещают желания, внезапные и необъяснимые.

Осторожно, стараясь не портить ночь шагами, стараясь не привлекать внимания, я прошагал до конца коридора и повернул влево. В комнате не было внешней стены, с потолка бородами свисала причудливая сажа, наверное, снаружи пальнули из огнемёта. И свет синий и живой.

Подошел к краю, выглянул. Луна тоже синяя. Видывал я такое. Синюшность повышенная, кислорода в атмосфере мало. Или много. Или не кислорода. Синяя луна лучше, чем красная, на красную всегда пакости разные приключаются.

Луна заливала улицу Бутырскую голубым молоком, и сначала, в первую минуту, я не заметил ничего необычного или пугающего. Стоял, смотрел, потом сел на стул. Холодно, улица искрилась мелкой морозной крошкой, казалось, что по взломанному асфальту рассыпали мешок мельчайших алмазов. Человека я разглядел не сразу.

Сколько раз замечал, что глаз всегда следует за мозгом. Ты уверен, что в этом месте человеку никак находиться невозможно, – и ты его не видишь, хоть он торчит у тебя чуть ли не перед носом.

Человек стоял у стены противоположного дома.

Я положил карабин на колени. Сумрак... Не похоже. Сумраки выше и тоньше, у них нет человеческой фигуры, они, за исключением суставов, равномерные, как сосиски, и тяжелые с виду. А этот обычный, человеческий.

Стоял, не шевелясь, ничего не делая. Это меня насторожило: в наше время стоять ночь на улице – не лучшее занятие для человека. И не боится ведь...

Не боится. Дрянь дело. Не бояться может лишь кто? Самый страшный. Тут же вспомнились расчлененные сумраки, я почувствовал, как мгновенно вспотели ладони, и увидел вто-

рого. Он стоял посреди улицы, уже гораздо ближе ко мне, вот только что, минуту назад его там не было, и вот возник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.